

ГОРОД ВЫБРАННЫХ ПРОФЕССИЙ

ВЛАД ВЕЛИРСКИЙ

Влад Велирский

Город выбранных профессий

«Автор»

2026

Велирский В.

Город выбранных профессий / В. Велирский — «Автор», 2026

В Веретье профессии приходят людям во сне, а утром Палата ремёсел превращает увиденное призвание в обязанность. Выгоревший аудитор Матвей Ладин получает невозможное назначение — «смотритель незавершённых дел» — и обнаруживает жителей, которых город перестал замечать после отказа от единственной полезной роли. Пока председатель Палаты Савва Рубеж готовит Полную перепись, способную навсегда закрепить каждого за первым ремеслом, Матвей собирает команду мастеров и отказников. Им предстоит доказать, что хлеб, тепло, вода и лечение могут сохраняться без пожизненной повинности. Но право уйти имеет реальную цену: ошибки учеников, остановки служб и работа, которую никто не хочет выбирать. «Город выбранных профессий» — атмосферный роман на стыке городского фэнтези, социальной фантастики и мистического детектива о призвании, человеческой видимости и праве менять способ быть полезным.

© Велирский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Вывеска без мастерской	6
Глава 2. Завтрак из семи профессий	11
Глава 3. Палата не ошибается	15
Глава 4. Человек мимо очереди	22
Глава 5. Настройщик мостов	30
Глава 6. Безымянный двор	33
Глава 7. Первое незавершённое дело	39
Глава 8. Кухня недостающего вкуса	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Влад Велирский

Город выбранных профессий

От автора

Есть вопросы, которые принято задавать детям и почти неприлично — взрослым. Кем ты хочешь стать? Почему до сих пор не выбрал? Если выбранное дело перестало быть твоим, что осталось от тебя самого?

В Веретье ответы приходят во сне. Город умеет показать человеку вывеску будущей мастерской, связать его руки с инструментом, а его труд — с теми, кому этот труд нужен. Такая связь может спасти от одиночества и подарить редкое чувство: утром ты знаешь, зачем встал. Но всякий дар меняется, когда от него нельзя отказаться.

«Город выбранных профессий» — история не о том, что призвания не существует. Она о цене единственного ответа. О людях, которые любят своё дело, устают от него, возвращаются, уходят, учат других и остаются людьми во всех этих состояниях. Здесь хлеб, мост, очередь и чистая чашка важны не меньше громких решений, потому что свобода становится честной только там, где кто-то заранее подумал, как пережить её последствия.

Лучше всего читать этот роман без попытки немедленно решить, кто прав. В Веретье у каждого закона есть память о бедствии, у каждого отказа — получатель, который останется без помощи, а у каждой полезности — соблазн превратить человека в функцию. Ответы будут меняться вместе с героями. Право на перемену тоже требует работы.

Глава 1. Вывеска без мастерской

Поезд оставил Матвея Ладина на перроне вместе с чемоданом, папкой рекомендаций и ощущением, что забрал всё остальное.

В Веретье шёл дождь — не ливень, а мелкая деловая морось. Она полировала рельсы, прибавала угольную пыль и собиралась на медных буквах вокзальной вывески. Под навесом ждали носильщики в одинаковых серых куртках. Над каждым светился тонкий знак: у одного — ремень, у второго — ладонь под тяжестью, у третьего — четыре аккуратно сложенных угла. Знаки возникали, только когда носильщик касался чужого багажа, и исчезали вместе с платой.

Матвей знал о Следах дела из служебных справок. В них всё выглядело проще: «наблюдаемая связь между зарегистрированным исполнителем, орудием и получателем результата». Справка не сообщала, что свет похож на дыхание в морозном воздухе. И что при виде этой связи человеку с папкой рекомендаций становится немного стыдно.

— До города донести? — спросил носильщик с четырьмя углами.

— Вокзал уже в городе.

— Формально. А практически вы пока между.

Матвей взялся за ручку чемодана крепче.

— Сам.

Носильщик не обиделся. Посмотрел на его ботинки, на уклон мостовой за воротами и кивнул так, будто Матвей только что добровольно выбрал небольшую, но поучительную неприятность.

Улица от вокзала поднималась террасами. Дома стояли тесно, поддерживая друг друга водосточными желобами, переходами и бельевыми верёвками. Почти над каждой дверью висела вывеска. Они не кричали краской. Тёплый свет проступал из дерева и металла сам: сапог над сапожной мастерской едва заметно сгибал голенище, чашка над столовой выпускала пар, а серебряная дуга над конторой настройщика дождя собирала капли и роняла их строго в решётку.

Матвей тащил чемодан вверх и невольно считал нарушения. У дома номер восемь вода переливалась через забитый желоб. Две булочные получали муку через один узкий проезд. Поездка с бельём перегородила пожарный кран. За три года в аудите он научился видеть город как схему, в которой любое удобство держится на чьём-то незаметном соблюдении правил.

За последние полгода это умение перестало выключаться.

В прежней конторе ему доверяли самые безнадёжные проверки. Матвей находил лишние согласования, пропущенные сроки и людей, без которых тщательно нарисованный процесс не работал. После него отделы действительно начинали работать лучше. Потом начальники пожимали ему руку и говорили, что человек с таким взглядом нигде не пропадёт. Никто не предлагал остаться рядом, когда исправлять становилось нечего.

Временный контракт в Веретье обещал шесть недель: проверить городские цепочки снабжения перед переписью ремёсел. Достаточно долго, чтобы получить деньги. Недостаточно, чтобы от него потребовали назвать это место домом.

На первом перекрёстке чемодан всё-таки победил. Колесо попало между плитами и отвалилось с сухим щелчком.

Матвей присел. Ось была стёрта, крепление разболтано; следовало заменить узел ещё до поездки. Он это знал. Просто в последнюю неделю перед отъездом было легче проверять чужие списки, чем составить собственный.

— Не тяните, — сказала женщина из дверей столовой. — Он теперь будет думать, что так и надо.

Она была широкоплечей, в фартуке цвета печёного яблока. Над дверью за её спиной светила чашка, но пар из неё шёл в сторону Матвея, будто принимался.

— Чемодан?

— Чемодан. Вещи быстро привыкают к дурному обращению, если оно регулярное.

Женщина вынесла низкую скамью, поставила на неё чемодан и свистнула мальчишке через улицу. Тот прибежал из мастерской с ящиком инструментов. На его рукаве был вышит ключ, но светового Следа Матвей не увидел.

— Ученик, — пояснила женщина, заметив взгляд. — След ещё не его. Руки уже его, а дело пока общее.

Мальчишка заменил шплинт, поджал ось и потребовал покатать чемодан туда-обратно. Матвей сделал, как сказано. Колесо шло ровно.

— Получатель доволен? — строго спросил ученик.

— Доволен.

Только после этого над инструментом на миг вспыхнул слабый контур ключа. Мальчишка просиял и убежал.

— Рута, — представилась хозяйка столовой. — Комнаты тоже сдаю. Вам, судя по адресу на бирке, ко мне.

Матвей посмотрел на прикреплённую к ручке карточку. «Столовая “Семь ложек”. Комната наверху». Он дважды сверял адрес в поезде и всё равно прошёл бы мимо: номера на доме не было.

— Вы знали, что я приеду?

— Я знала, что приедет проверяющий издалека. А местные проверяющие не отказываются от носильщика из принципа.

— Я не из принципа.

— Тем хуже для колеса.

Рута подняла чемодан за боковую ручку. Матвей попытался забрать, но она уже внесла его внутрь.

Столовая была почти пуста. Между поздним обедом и ужином столы сохли после мытья, на кухне стучал нож, в печи потрескивали дрова. Здесь Следы не выглядели отдельными знаками. Они переплетались. Свет от печи тянулся к караваю на стойке; от каравая — к ножу; от ножа — к чистой доске; от доски — к трём перевёрнутым тарелкам. Одна тонкая нить обрывалась у корзины с тупыми ножами.

Матвей задержался перед ней.

— Видите? — спросила Рута.

— Обрыв.

— Все видят обрыв, когда ужин опаздывает. А так — редко.

Она сказала это без любопытства, словно проверяющие ежедневно входили к ней с чемоданами и замечали то, что постоянные посетители предпочитали не замечать.

Комната оказалась под крышей. Кровать, умывальник, стол, шкаф и узкое окно, из которого Веретье лежало слоями до самой реки. Дождь закончился. На черепице загорались вывески, одна за другой, и город становился похож на огромную схему, где вместо стрелок были переулки.

На столе лежал конверт с печатью Палаты ремёсел.

Матвей вскрыл его ногтем.

«Господину Ладину надлежит явиться к девяти часам утра для подтверждения внешнего договора и проверки отсутствия местного назначения».

Последние слова он перечитал.

— Проверки чего?

Рута, расправлявшая одеяло, пожала плечами.

— Иногда приезжий засыпает у нас человеком одной профессии, а просыпается человеком другой. Палата не любит накладок.

— Я приехал на шесть недель.

— Сны расписаний не читают.

— А если мне ничего не приснится?

— Значит, подтвердят отсутствие. Поставят печать. Будете спокойно проверять нас, пока мы работаем.

Матвей убрал письмо в папку. Рядом лежали три рекомендации. «Исключительно внимателен к системным разрывам». «Способен обнаруживать неучтённые зависимости». «Особенно эффективен на стадии завершения». Последняя формулировка принадлежала начальнику, который уволил его за два дня до закрытия проекта.

— Ужин внизу через час, — сказала Рута. — Если уснёте раньше, сон может прийти на пустой желудок. Профессии от этого становятся излишне возвышенными.

— Это шутка?

— Наполовину. Вторая половина хуже.

За ужином Матвей ел густой суп с копчёной грушей и наблюдал, как нити Следов сходятся к его миске. Рута назвала только троих из цепочки: огородника, коптильщицу и человека, который следил за чистотой колодезных фильтров. Остальных обещала перечислить утром, если он не сбежит после первого сна.

— Люди часто сбегают?

— Люди часто думают, что хотят получить ответ. Ответ приходит — и выясняется, что вопрос им нравился больше.

Матвей хотел спросить, можно ли отказаться. Не спросил. Отказ был возможен по закону: это значилось в каждой справке о Веретье. Предложение Следа приобретало силу только после добровольной регистрации. Слово «добровольной» повторялось так часто, что аудиторы в прежней конторе помечали бы его как зону повышенного риска.

Он лёг рано, но долго не спал. Дождь вернулся и шуршал по скату крыши. Внизу закрывали столовую: звякнули ложки, прошли по половицам шаги, Рута дважды повернула ключ. За окном гасли окна, а вывески продолжали светиться. Казалось, город бодрствует за тех, кто спит.

Когда Матвей наконец провалился в сон, он оказался на незнакомой улице.

Дождя там не было. Камни мостовой были сухими и белыми, дома стояли без дверей, а окна отражали небо, которого над городом не существовало. Матвей шёл, не слыша собственных шагов. Все вывески были сняты. На их местах темнели прямоугольники, как следы от давно убраных картин.

В конце улицы горел один фонарь.

Под ним висела вывеска без стены и без мастерской.

Матвей не мог понять, что на ней изображено. Сначала ему виделась незаконченная лестница. Потом — раскрытая папка, из которой выпадал последний лист. Потом — рука, удерживающая нить у самого разрыва. Изображение менялось всякий раз, когда он пытался назвать его.

Под вывеской стоял рабочий стол. На нём лежали чужие вещи: детская перчатка, треснувший колокольчик, хлебная лопата с обгоревшим краем, связка ключей, табличка с номером дома. Каждая вещь просила о каком-то действии, но ни одно действие нельзя было довести до конца в одиночку.

Матвей коснулся колокольчика.

Город вокруг вздрогнул. В окнах на миг появились люди. Они смотрели не на него, а сквозь него, словно ждали звука, которого больше никто не умел извлечь.

Тогда на вывеске проступили слова:

СМОТРИТЕЛЬ НЕЗАВЕРШЁННЫХ ДЕЛ

Матвей отдёргнул руку.

— Такой профессии нет.

Слова погасли. На столе остался круглый латунный жетон без надписи.

Он проснулся, зажав что-то в ладони.

Комната была серой от предрассветного света. Сердце билось быстро, но не от страха — от ярости человека, которому во сне подсунили плохо составленный документ. Матвей разжал пальцы.

На ладони лежал жетон.

Обычная латунь, тёплая после сна. Ни герба Палаты, ни названия профессии, ни регистрационного номера. Даже отверстия для шнурка не было. Только по краю шла едва заметная бороздка, которая не замыкалась: между её концами оставался промежуток шириной с ноготь.

Матвей положил жетон на стол и записал всё, что помнил. Время пробуждения. Содержание сна. Перечень предметов. Изменение изображения. Точную фразу. Он исписал четыре страницы, после чего стало легче. Зафиксированное отклонение превращалось в задачу.

В восемь тридцать он спустился вниз.

Рута уже кормила завтраком полдюжины посетителей. У двери сидел точильщик с перевязанной кистью, у окна — женщина в синем мундире городской доставки, за большим столом двое каменщиков спорили о мосте. Над каждым работником время от времени вспыхивал знак дела. Матвей положил жетон перед Рутой.

Она перестала наливать чай.

Всего на секунду. Потом поставила чайник ровно на подставку.

— Пустой?

— Вы встречали такие?

— Я встречала людей, которые задавали этот вопрос. Жетонов при них не было.

— Что с ними стало?

Рута посмотрела на посетителей, будто пересчитывала. Один, два, три, четыре, пять, шесть. Её губы беззвучно повторили счёт.

— Опоздаете в Палату, — сказала она. — Там любят, когда неизвестное приходит по расписанию.

Палата ремёсел занимала круглое здание на верхней площади. К нему сходились улицы, похожие на спицы. В центре фасада висела самая большая вывеска города — раскрытая ладонь, на которой лежали молоток, игла, перо и ключ. Свет от неё стекал к дверям четырьмя ровными полосами.

У входа стояли две рамки. Над первой было написано «ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЕ», над второй — «ГОСТИ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ».

Матвей направился ко второй.

Служитель в зелёной перевязи поднял руку.

— Жетон назначения.

— Не зарегистрирован.

— Тем более.

Матвей протянул пустой кругляш. Служитель положил его в углубление на стойке. В обычном порядке, судя по затёртым краям, жетон должен был включить сигнальную пластину. Ничего не произошло.

Служитель постучал по стойке, вынул жетон, протёр его рукавом и повторил. Пластина осталась тёмной.

— Имя?

— Матвей Ладин. Внешний аудитор. В девять у меня подтверждение договора.

Служитель нашёл строку в журнале. Провёл пальцем слева направо, затем обратно.

- В списке есть.
- Хорошо.
- Но рамка вас не пропускает.
- Она закрыта?
- Она открыта.

Матвей посмотрел на широкий проход. Никакой створки, цепи или турникета. Он сделал шаг.

Воздух уплотнился перед грудью мягко, почти заботливо. Не ударил, не отбросил — просто не признал движение состоявшимся. Матвей перенёс вес вперёд и обнаружил себя на том же месте, с поднятой ногой. Попробовал ещё раз. Площадь осталась за спиной, вестибюль — впереди, а расстояние между ними отказалось уменьшаться.

Через соседнюю рамку люди проходили свободно. Никто не удивлялся. Зарегистрированный кровельщик отдал жетон, получил его обратно и исчез в коридоре. Девочка лет двенадцати прошла с матерью. Старик в халате лекаря задержался на секунду, пока свет считывал знак на его воротнике.

- Попробуйте назвать дело, — тихо предложил служитель.
- Аудит процессов.
- Рамка не отозвалась.
- Полностью.

Матвей почувствовал, как жетон нагревается в кулаке.

- Смотритель незавершённых дел.

Служитель отступил.

В журнале под пальцем что-то изменилось. Строка с именем Матвея побледнела, будто чернила впитались глубже в бумагу. Потом исчезла совсем.

- Что вы сделали? — спросил Матвей.
- Ничего.
- Моя запись была здесь.
- Какая запись?

Служитель смотрел на него честно и растерянно. Не притворялся. Его взгляд соскользнул с лица Матвея на пустую площадь, задержался на голубях и вернулся к журналу.

- Следующий, — сказал он.

Женщина за спиной Матвея шагнула вперёд и едва не столкнулась с ним.

— Простите, — произнесла она, но смотрела не на Матвея. — Не заметила, что здесь кто-то стоит.

Матвей поднял жетон к свету. В незамкнутой бороздке появилась тончайшая тёмная нить. Она тянулась через рамку внутрь Палаты, туда, где его ждал договор, назначенная встреча и запись, которой больше не существовало.

Он всегда находил разрывы в системах.

Впервые система нашла разрыв в нём.

Глава 2. Завтрак из семи профессий

Матвей вернулся в «Семь ложек» через кухонную дверь.

Парадную он открыл трижды, но колокольчик над косяком молчал, а посетители не поднимали голов. Через кухню его впустила Рута. Она тоже не сразу увидела его: сперва посмотрела на пустой порог, затем — на жетон в его поднятой руке, и только потом взгляд собрал Матвея целиком.

— За стол, — приказала она. — Невидимых на ногах не кормлю. Слишком легко забыть порцию.

В столовой кончался завтрак. Каменщики ушли, женщина из доставки допивала чай, а точильщик с перевязанной кистью сидел у холодной печи и разглядывал собственные пальцы. На его столе стояла нетронутая каша.

Матвей выбрал место у окна. Рута переставила перед ним деревянную табличку «ЗАНЯТО».

— Это поможет?

— Люди уважают надписи больше, чем ощущения.

Она принесла доску с хлебом, мягкий сыр, яйцо, яблочную приправу и чашку настоя. Между предметами светились нити. Сегодня Матвей видел их отчётливее: медовые у хлеба, белые у сыра, красноватые у приправы. Все сходились к пустому месту перед ним, но обрывались в ладони от края стола.

— Семь профессий, — сказала Рута. — Назовёте?

— Пекарь, сыровар, птицевод, садовник.

— Четыре.

— Водовоз?

— Фильтровщица колодцев. Воду носит мой племянник и профессией это пока не считает.

Матвей указал на чай.

— Сборщик трав.

— Шесть.

Он осмотрел доску. Нож лежал рядом, но хлеб был нарезан неровно: толстые ломти чередовались с тонкими, один край смялся.

— Точильщик.

Рута кивнула на мужчину у печи.

— Орест. Был седьмым. Вчера повредил кисть, когда круг повело. До него квартал обслуживал старик Лем, но ему приснилась лодочная клёпка, и он ушёл к реке. По правилам. С передачей заказов. Только заказам от этого не острее.

— Один точильщик на квартал?

— Один зарегистрированный. Точить умеют многие. Но След ножа принимает работу не всякого.

Матвей взял ломоть. Нить от хлеба коснулась пальцев и сразу погасла. За соседним столом женщина доставки подвинула его чашку, освобождая место для локтя, хотя места было достаточно.

— Я исчезаю быстрее, — сказал он.

— Не исчезаете. Вас перестают учитывать.

— Существенная разница?

— Для стены — да. Для человека, которому не наливают суп, — не всегда.

Рута поставила перед ним ложку. Потом нахмурилась, забрала и снова положила, на этот раз прямо в руку.

— Ешьте и говорите со мной.

Матвей рассказал о рамке и пропавшей строке. Рута не перебивала. Только после слов о тёмной нити она вытерла ладони о фартук и попросила показать жетон.

Бороздка снова была пустой.

— Ваша нить исчезла, когда вы вышли из Палаты?

— У дверей.

— Значит, она отмечает не место.

— Незавершённое действие.

Орест поднял голову.

— Хорошо сказано для человека, которого нет.

Его голос был низким и раздражённым. Перевязь скрывала правую ладонь до костяшек, на ткани проступило бурое пятно.

— Я вас вижу, — сказал Матвей.

— Потому что смотрите. Это редкое ремесло, его Палата пока не зарегистрировала.

Рута поставила перед Орестом новый чай.

— Расскажи ему про ножи.

— Они тупые.

— Подробно.

Орест вздохнул.

За утро он должен был принять сорок один инструмент. Без него мясник рубил больше кости вместе с мясом, переплётчик рвал картон, две швеи отложили раскрой, а Рута меняла меню, потому что тупым ножом нельзя было быстро нарезать коренья. Сама заточка занимала минуты. Выбор угла, проверка стали и подтверждение владельца занимали дольше. След возникал не от остроты, объяснил Орест, а от восстановленной пригодности вещи к конкретному делу.

— Можно наточить нож до волоса, — сказал он, — и испортить его мяснику, если кромка выкрошится на первой кости. Можно оставить грубее и вернуть работу. След отличает блеск от результата.

— А другой точильщик?

— Ближайший на Верхней дуге. У него свой круг и пятьдесят заказов.

— Ученики?

Орест показал перевязанную руку.

— Один вчера держал заготовку. Второй побежал за лекарем. Оба теперь боятся круга. Я их не виню.

Матвей открыл записную книжку. Он снова чувствовал почву под ногами. Очередь заказов, ограниченный ресурс, зависимые получатели — понятная задача. Не сон, не забывающие глаза, не жетон без номера.

— Инструменты можно распределить по критичности. Медицинские, пищевые, аварийные — первыми. Однотипные свести в партии. Простую правку отдать тем, кто умеет, даже без регистрации.

— След не примет, — повторил Орест.

— Но нож станет острым?

— Станет.

— Значит, часть результата существует без Следа.

В столовой стало тихо. Женщина доставки перестала мешать сахар. Рута посмотрела на дверь, словно ожидала, что Палата услышит фразу через три улицы.

Орест первым усмехнулся.

— Вот за это вас и не пускают.

Матвей составил список. Рута принесла корзину кухонных ножей. Из мастерской Ореста ученики прикатили закрытый ручной круг; внутрь столовой его не внесли — поставили во дворе под навесом. Мясник прислал два тесака с запиской «срочно». Переплётчик явился сам и спорил, что без его ножа не будут готовы школьные тетради. Через двадцать минут вокруг двора собралась очередь.

Обычно такую очередь должен был упорядочить зарегистрированный распределитель мелких услуг. Он не пришёл: его знак не получил от мастерской Ореста подтверждения, что мастер способен работать. Система рассудила безупречно — и оставила людей спорить у запертого круга.

Матвей попросил Руту дать семь деревянных ложек.

— У меня заведение не поэтому называется.

— Тогда карточки.

Карточек не нашлось. Рута всё-таки выдала ложки. Матвей положил их на подоконник по порядку: лекарь, продовольствие, безопасность, обучение, остальные срочные, обычные и те, что можно отложить. Владельцам инструментов пришлось вслух объяснять, что случится без их работы. Многие впервые услышали соседей.

Мясник уступил первое место лекарскому лезвию. Переплётчик доказал, что тетради подождут день, но резак нужен мастеру, который чинит оконные рамы в детском приюте. Два повара обнаружили, что могут на сутки обменяться ножами. Очередь сократилась не потому, что инструментов стало меньше, а потому, что просьбы превратились в последствия.

— Кто будет точить? — спросил один из учеников.

Орест поднялся.

— Я буду говорить. Вы — делать.

— Палата не засчитает.

— Палата не ест здешний суп.

Первый ученик сел к кругу. Нога дрожала на педали. Орест встал слева, здоровой рукой показывая наклон. Матвей ожидал, что учитель не выдержит и оттолкнёт мальчишку, но тот лишь однажды резко сказал «стоп», когда сталь пошла слишком горячо.

Лекарское лезвие вернули владельцу. Тот провёл испытательной полосой по кромке, осмотрел срез и сказал:

— Принимаю.

Слабый знак ключа вспыхнул над рукой ученика. От него потянулась нить к Оресту, затем к лекарю. Она дрожала и не могла решить, кому принадлежит работа.

Жетон в кармане Матвея нагрелся.

Он вынул его. В бороздке лежала тёмная нить, но теперь она тянулась не к Палате. Один конец указывал на ученика, второй — на перевязанную руку Ореста. Между ними оставался разрыв.

— Скажите ещё раз, кто сделал работу, — попросил Матвей.

Лекарь нахмурился.

— Мальчик заточил. Мастер Орест руководил. Я проверил и принял.

Тёмная нить замкнула разрыв. Световой знак перестал метаться и разделился: ключ остался у ученика, тонкий контур глаза — у Ореста. Через мгновение оба погасли, но не исчезли бесследно. На рукаве мальчика проступил новый стежок вышивки.

Очередь загудела.

— Так нельзя регистрировать, — сказала женщина доставки.

— Мы ничего не регистрировали, — ответил Матвей.

Она вздрогнула и впервые посмотрела прямо на него.

— А вы кто?

— Получатель завтрака.

Это было первое определение, которое пришло ему в голову. Нить от доски с едой тут же коснулась его запястья. Медовая, белая, красная — все семь связей вспыхнули разом. Взгляды людей перестали соскальзывать. Рута протянула ему забытый чай, женщина доставки подвинула чашку обратно, освобождая настоящее место.

Матвей понял правило не до конца, но достаточно для проверки: пока он был включён в завершённую цепочку как тот, кому нужен результат, город удерживал его. Стоило результату стать неопределённым — и он выпадал из внимания.

— Ешьте, — сказала Рута. — Ваше существование остынет.

Хлеб уже зачерствел по краям, яйцо стало холодным. Матвей ел, пока во дворе скрежетал круг и люди по очереди подтверждали результаты. Семь профессий держали его за столом. Восьмая — несуществующая — связывала чужую работу там, где реестр видел только нарушение.

К полудню критические инструменты были готовы. Учеников шатало от усталости, Орест охрип, зато очередь уменьшилась вдвое. Никто не назвал это новым порядком. Рута записала имена, результаты и тех, кто их принял, на обороте старого меню.

У дверей появился служитель Палаты в зелёной перевязи.

Тот самый, что утром не смог удержать Матвея в памяти.

Он посмотрел на круг, на учеников, на разделившийся След над последним ножом. Затем раскрыл журнал.

— Здесь производится незарегистрированная работа.

— Здесь возвращают пригодность инструментов, — сказал Матвей.

Служитель обернулся на голос. Пока нити завтрака держались, он увидел Матвея сразу.

— Господин Ладин? Председатель Рубеж ожидает вас с девяти часов.

— Ваша рамка меня не пропустила.

— Рамки Палаты не отказывают людям, внесённым в журнал.

— А людям, которых журнал стирает?

Служитель побледнел. Он нашёл страницу, на которой утром исчезло имя, и показал её Матвею.

Строка вернулась. Теперь рядом с именем стояла чужая аккуратная помета:

«Обнаружен через полученный результат. Доставить до прекращения связи».

Световые нити на запястье Матвея одна за другой начали гаснуть. Он доел хлеб и понял, что Палата назначила ему не встречу.

Она назначила срок видимости.

Глава 3. Палата не ошибается

До Палаты оставалось три улицы, а Матвей уже дважды выпал из разговора.

Служитель в зелёной перевязи назвался Елисеем. В первый раз это произошло у булочной: последняя медовая нить завтрака погасла на запястье Матвея, Елисей умолк на полуслове и пошёл дальше один. Матвей догнал его, взял за локоть и заставил прочесть помету в журнале.

Во второй раз их разделила тележка молочника. Елисей пропустил её, оглянулся на пустой тротуар и поспешил к площади. Матвей снова вернул его к строке.

— Председатель велел доставить меня до прекращения связи, — напомнил он.

Елисей взгляделся в собственный почерк так, будто тот принадлежал человеку, которому нельзя вполне доверять.

— Это написал не я.

— Но журнал ваш.

— Палаты.

— Значит, Палата умеет писать распоряжения сама?

— След умеет завершать недостающие записи.

— Недостающие или удобные?

Елисей закрыл журнал.

— Господин Ладин, я служитель допуска третьей ступени. Мне разрешено проверять запись, знак и цель посещения. Рассуждать о намерениях Следа мне не разрешено.

Он вынул из сумки тонкий зелёный шнур и завязал один конец вокруг ручки журнала. Другой протянул Матвею.

— Держите. Если я опять вас потеряю, натяжение напомнит.

Так они и пошли: служитель Палаты впереди, незарегистрированный человек сзади, между ними — шнур, которым обычно связывали архивные папки. Прохожие уступали Елисею дорогу и норовили пройти сквозь Матвея. Он уворачивался, а шнур дёргал журнал. После третьего рывка Елисей перестал извиняться и просто крепче прижал книгу к боку.

На верхней площади очередь перед рамками стала длиннее. Матвей увидел ту же женщину с корзиной, которая утром не заметила его у входа. Теперь она стояла у служительского стола и доказывала, что пришла получить разрешение на смену дела.

— Жетон, — повторял другой служитель.

— Я оставила его дома.

— Тогда дома осталось и ваше дело.

Женщина сжала ручки корзины. Внутри звякнуло стекло.

— Я двадцать два года звоню к открытию Нижних ворот. Вы знаете меня.

— Знаю звонаря Нижних ворот. Без жетона не могу подтвердить, что это вы.

Елисей потянул Матвея к боковой двери. Тёмная нить в бороздке его жетона дрогнула в сторону женщины, но тут же исчезла.

— Подождите, — сказал Матвей.

— Связь почти прекратилась. У меня точное распоряжение.

— У неё нет жетона.

— Значит, придёт с жетоном.

Женщина обернулась на их голоса. На мгновение Матвею показалось, что она смотрит прямо на него, но взгляд прошёл мимо и остановился на зелёной перевязи Елисея.

Боковая дверь пропустила их без рамки. Внутри шнур сняли, а Матвею выдали серую дощечку с выжженным словом «СОПРОВОЖДАЕМЫЙ». Пока он держал её на виду, встречные замечали его заранее. Стоило опустить руку, как писцы с папками начинали срезать углы через его плечо.

- У вас предусмотрено средство для людей, которых не видит реестр, — сказал Матвей.
- Для вещей и лиц, перемещаемых под ответственность служителя.
- Очень обнадёживает порядок слов.

Елисей не улыбнулся. Он провёл Матвея через круговой коридор. Двери в нём различались не номерами, а знаками: игла, молоток, колесо, ладонь с раскрытым глазом. Между дверями висели медные схемы городских цепочек. Хлеб начинался с поля и заканчивался нарисованной семьёй за столом. Чистая вода — с колодца и заканчивалась больничной чашкой. Каждый рисунок был прост, понятен и лгал ровно настолько, чтобы оставаться полезным. На нём не было больных точильщиков, учеников, чужих ножей и людей, взявшихся за работу без разрешения.

У двери с ладонью Елисей забрал дощечку.

— Председатель вас видит без неё.

— Почему?

— Он отвечает за всех, кто находится в Палате.

Матвей вошёл и первым делом проверил, действительно ли Савва Рубеж поднял глаза.

Председатель оказался человеком лет пятидесяти с короткими седыми волосами и руками столяра: широкими, в старых порезах, с тёмным следом масла у ногтей. Он сидел не за письменным столом, а за большим верстаком. На столешнице лежал разрезанный на сектора план Веретья. От каждого сектора тянулись нити к деревянным фигуркам профессий. Несколько нитей мигали красным.

— Матвей Ладин, — произнёс Савва. — Внешний аудитор, который за первое утро сорвал порядок допуска и устроил незарегистрированную мастерскую в столовой.

— Мастерская была во дворе.

— Благодарю. Теперь нарушение установлено точнее.

Голос у него был негромкий. Он не нажимал на слова, а складывал их одно к другому, как детали, которые потом трудно разъединить.

Елисей положил журнал на край верстака.

— Доставлен до прекращения связи.

— Вижу. Оставьте нас.

Когда дверь закрылась, Савва подвинул Матвею стул. На сиденье был вырезан знак гостя. Матвей сел, и ощущение, что взгляд собеседника может соскользнуть, пропало.

— Это не гостеприимство, — сказал Савва. — Стул включён в цепочку приёма. Пока беседа не завершена, вы её участник.

— У вас много приспособлений, чтобы замечать человека, которого, по вашим правилам, не существует.

— Вы существуете. Не существует заявленного вами дела.

Матвей положил жетон на верстак.

— Тогда зарегистрируйте существующего человека без дела.

Савва не притронулся к жетону.

— Палата регистрирует не людей. Она регистрирует обязательства между мастером и городом. Имя без результата — запись для переписи жителей. Вам нужна ратуша через площадь.

— Ратуша не делает меня видимым для ваших дверей.

— Потому что наши двери распределяют доступ к работе, инструментам и сведениям. Не к человеческому достоинству.

— Удобно. Дверь не унижает, она только не признаёт движение состоявшимся.

Красная нить на плане вспыхнула у Нижнего квартала. Савва сразу повернул туда фигурку с изображением ключа. Мигающий свет стал ровнее.

— Вы считаете систему жестокой, — сказал он. — Это полезное первое впечатление. Оно обычно проходит после недели без чистой воды.

— А ваше первое впечатление обо мне?

— Вы умеете видеть разрыв, но путаете обнаружение последствия с правом назначать средство.

Матвей открыл записную книжку.

— Хорошо. Назовём последствия. Орест травмирован. Зарегистрированная очередь не возникла, потому что система ждала работу от человека, который не мог её выполнить. Ученики могли точить, Орест мог руководить, владельцы могли принимать результат. След не признавал разделённый вклад до вмешательства пустого жетона. Какое средство назначила Палата?

— Вызов точильщика с Верхней дуги.

— Пятьдесят заказов и полдня пути.

— Восемьдесят три заказа, — поправил Савва. — Именно поэтому нельзя было создавать вторую очередь самовольно.

— Почему?

Савва поднялся и снял с полки столовый нож. Лезвие было узким, заточенным почти до зеркального блеска. Рядом он поставил деревянную фигурку мясника.

— Этот нож сегодня правил ученик Ореста. Владелец принял работу. След разделился между учеником и наставником, как вы и хотели.

— Я хотел, чтобы инструмент вернулся к делу.

— След запомнил другое. Он увидел человека, исполняющего зарегистрированную функцию без допуска. Если завтра мальчику приснится заточка, это будет честное предложение. Если ему приснится иное, сегодняшний след станет возражением. Два дела потянут его в разные стороны.

— Предложение не обязательство.

— До регистрации — да. Но инструменты уже начали отвечать ему. Круг Ореста признает ногу ученика быстрее, чем вчера. Заказы будут находить его. Люди будут обращаться к нему. Вы не просто заточили нож. Вы создали ожидание, не спросив, готов ли ребёнок его нести.

Матвей вспомнил дрожавшую ногу на педали и новый стежок на рукаве мальчика. Удобная победа потеряла часть блеска.

— Тогда ваш порядок защищает свободу ученика?

— Иногда. А иногда защищает город от ученика, который умеет держать сталь, но ещё не умеет отвечать за трещину в лезвии.

Савва положил нож поперёк плана. От него протянулась слабая нить к фигурке мясника, затем раздвоилась: одна ветвь ушла к Оресту, другая — к пустому месту у края стола. Деревянный мясник качнулся.

— Владелец этого ножа не лекарь, — сказал Матвей.

— Нет. Лекарское лезвие было первым и прошло проверку. Это девятый инструмент. Его принёс подмастерье мясника, а принял сосед по лавке. Сам мясник не видел кромку. След сомневается, кому возвращён результат.

— Что случится?

— Пока ничего. Если мясник примет нож — связь замкнётся. Если завтра на рынке повредят руку, Палата не сможет установить, кто отвечал за пригодность инструмента. Ученика не вызовут для объяснений, потому что его нет в очереди. Ореста вызовут, хотя он не касался стали. Ваше разделение труда создало разделение ответственности.

Матвей записал это. Не для виду — довод был сильным.

— Значит, нужна форма временного допуска с указанием исполнителя, наставника и получателя.

— Нужна проверка способности, инструмента, предела работ и согласия мастера принять ответственность.

— Всё это можно было сделать во дворе.

— Можно. За два часа, если люди обучены порядку. Вы сделали за двадцать минут и потому решили, что сэкономили сто.

— А сколько стоило ждать?

Савва посмотрел на красные огни на плане.

— Вот поэтому вы всё ещё сидите здесь.

Он вернул нож на полку и наконец взял пустой жетон. Бороздка на латуни потемнела под его большим пальцем, но не засветилась.

— «Смотритель незавершённых дел», — прочёл Савва.

— Надписи нет.

— На металле — нет.

— Откуда вы знаете название?

Савва положил жетон точно на прежнее место.

— Вы произнесли его у рамки.

Матвей не стал напоминать, что после этих слов строка исчезла, а Елисей перестал его видеть. Председатель и так выбрал объяснение слишком быстро.

— Зарегистрируйте его временно, — сказал Матвей. — С пределом, проверкой и ответственностью. По вашему порядку.

— Невозможно.

— Потому что дела нет в реестре?

— Потому что у дела нет определимого результата. Что получает город от смотрителя незавершённых дел?

— Завершённые цепочки.

— Пекарь даёт хлеб. Фильтровщица — безопасную воду. Настройщик моста — допустимое колебание пролёта. Ваш ответ описывает любое ремесло и ни одного конкретного.

— Сегодня город получил работающие инструменты.

— Благодаря ученикам и Оресту.

— А их отдельные вклады признал жетон.

— Значит, жетон вмешивается в чужой След. Это не результат, господин Ладин. Это власть.

Слово прозвучало спокойно и потому осталось между ними тяжёлым предметом.

Матвей хотел возразить, но вспомнил, как нить подчинилась его просьбе назвать исполнителя. Он не создавал остроту и не проверял сталь. Только убедил След принять предложенное описание. Если ошибиться в описании, ошибка тоже станет видимой истиной.

— Вы знали, что такое возможно, — сказал он.

— Я знаю, что всякая незамкнутая связь ищет кратчайший путь. Ваш жетон предлагает себя вместо отсутствующего звена. Пока не ясно, с какой ценой.

— Но вы уже отказали.

— В регистрации — да. Палата не выдаёт полномочия явлению, пределы которого не установлены.

— И что со мной будет?

— Вне завершённых цепочек вас будут замечать всё хуже. Сначала службы, затем люди, затем вещи, которыми вы не пользуетесь по признанному назначению.

— Вы говорите так, будто читаете инструкцию.

— Я говорю так, будто видел это прежде.

Савва перевернул один сектор плана. Под ним обнаружилась узкая щель, куда уходили серые нити от нескольких кварталов. Они не обрывались — спускались ниже верстака, под пол.

— Чей это След?

— Незавершённых заявок.

— Куда он ведёт?

Председатель вернул сектор на место.

— В хранилище.

— Людей или заявок?

— Сейчас мы обсуждаем вашу работу.

Матвей закрыл книжку.

— Её не существует. Вы только что установили.

Впервые Савва улыбнулся. Не широко, а одним уголком рта, словно Матвей наконец положил нужную деталь на нужное место.

— Профессии не существует. Временная задача существует вполне.

Он достал из ящика тонкую папку. На обложке значилось: «ПОЛНАЯ ПЕРЕПИСЬ. ПРОВЕРКА РАЗРЫВОВ». Внутри лежали карты кварталов и листы с одинаковыми таблицами: профессия, мастер, замена, критический срок, получатели. В некоторых строках имена были перечёркнуты, но новых не появилось. На полях повторялся знак пустого круга.

— Через тридцать девять дней Веретье проведёт Полную перепись, — сказал Савва. — Мы свяжем реестр с городскими службами, чтобы ни одна критическая работа не осталась без исполнителя. До запуска нужно проверить разрывы: травмы, спорные Следы, отсутствующие замены, цепочки, которые существуют на бумаге и не работают на улице.

— Вы наняли аудитора именно для этого.

— Я нанял человека извне. Местный мастер видит свою цепочку слишком хорошо, чтобы заметить город вокруг неё. Но договор требовал отсутствия местного назначения. Теперь условие нарушено.

— Назначение не зарегистрировано.

— Поэтому договор ещё можно сохранить.

Савва подвинул папку, но удержал ладонь на обложке.

— Шесть недель. Доступ к открытым реестрам, сопровождение в мастерских, право требовать демонстрацию результата. Вы отмечаете сбои и передаёте их мне. Никакой регистрации пустого жетона. Никакого вмешательства в След без моего письменного разрешения.

— А если без вмешательства человек перестанет быть видимым?

— Фиксируете случай.

— Пока он исчезает?

— Пока мы устанавливаем причину.

— Это не условие работы. Это просьба смотреть и не трогать.

— А вы привыкли трогать систему раньше, чем поняли, за что она держится.

Красная нить у Нижнего квартала снова замигала. На этот раз Савва не поправил фигурку. Он ждал.

Матвей посмотрел на папку. Ему предлагали именно то, ради чего он приехал: ограниченный срок, ясную задачу, доступ к данным и право задавать неудобные вопросы. Вчера этого было бы достаточно. Теперь к договору прилагалось знание, что город способен забыть человека между булочной и площадью.

— Я буду фиксировать не только сбои критических служб, — сказал он. — Все случаи, когда реестр перестаёт учитывать человека или его работу.

— Если они влияют на цепочки.

— Человек всегда влияет хотя бы на одну цепочку. На жильё, еду, лечение, дорогу.

— Это гипотеза.

— Тогда я её проверю.

Савва убрал ладонь с папки.

— Отчёт каждый вечер. Маршрут согласует Елисей. Пустой жетон хранится у вас, потому что попытка изъятия может создать ещё один разрыв. Если он изменится, вы немедленно приходите сюда.

— Через гостевую рамку?

— Вам выдадут знак внешнего проверяющего.

Он открыл небольшую коробку. Внутри лежал железный значок в форме скобки. Не замкнутый круг, не символ ремесла — знак временного доступа. Когда Савва прикрепил его к лацкану Матвея, от верстака протянулась тонкая серая нить.

— Что получает город от моей работы? — спросил Матвей.

— Перечень ошибок до того, как они станут бедствием.

— Значит, результат у несуществующего дела всё-таки нашёлся.

— У аудита. Не у вашего сна.

Нить стала ярче. Стул под Матвеем тихо щёлкнул: цепочка приёма завершилась. Савва открыл дверь и позвал Елисея.

На этот раз служитель увидел Матвея сразу. Его взгляд сперва зацепился за железную скобку, потом поднялся к лицу.

— Проведите господина Ладина в договорную, — распорядился Савва. — Затем покажите ему три текущих сбоя.

— Какие именно?

— Те, которые Палата уже признала.

Матвей поднял папку.

— А непризнанные я найду сам.

Савва не возразил. Он лишь повернул на плане фигурку звонаря. От неё не загорелось ни одной нити.

В договорной Матвей подписал шесть листов. В строке «профессия» писец поставил прочерк, в строке «служебная функция» — «внешняя проверка разрывов». Железная скобка позволяла ему проходить двери, запрашивать копии и оставаться замеченным, пока он выполнял поручение. После окончания рабочего дня связь должна была ослабевать.

— Если ослабнет раньше? — спросил Матвей.

Писец пожал плечами.

— Палата не ошибается в сроках допуска.

— Сегодня ошиблась в моём существовании.

— Значит, существование было оформлено неверно.

Елисей кашлянул и указал на последнюю строку договора. Матвей подписал, но рядом приписал: «Принято с наблюдением утраты видимости до оформления». Писец хотел зачеркнуть, однако железная скобка вспыхнула, и запись закрепилась в бумаге тонким серым Следом.

Первым признанным сбоем оказался повреждённый водомер. Вторым — спор двух кровельщиков за один участок. Третьим — задержка утреннего звона у Нижних ворот.

— Звонарь не явился? — спросил Матвей.

Елисей сверился с листом.

— Явилась. Без жетона. Служба не смогла подтвердить исполнителя, поэтому работа считается невыполненной.

— Я видел её у входа. Она просила сменить дело.

— Кого?

— Женщину с корзиной. Двадцать два года открывала ворота звоном.

Елисей прочитал строку ещё раз. На месте имени расплывалось бледное пятно, будто чернила впитались слишком глубоко.

— Здесь указана должность, — сказал он. — Имени нет.

Тёмная нить легла в бороздку жетона Матвея и потянулась обратно, к площади.

Он поднял голову. За окном, у самой рамки, очередь двигалась вперёд, огибая пустое место. Корзина стояла на камнях. Люди переступали через неё, не замечая ни стеклянного звона внутри, ни женской руки на ручке.

Матвей сунул договор в папку.

— Начнём с третьего сбоя.

— Но Палата уже установила причину: отсутствие жетона.

— Палата установила, почему не состоялась работа. Я хочу узнать, почему исчезает работник.

Елисей посмотрел на железную скобку, проверяя границы поручения. Значок светился ровно.

Они вышли из договорной. На лестнице Матвей снова увидел серые нити, уходившие вниз, под пол Палаты. Одна из них натянулась вслед за женщиной у рамки.

Палата не ошибалась. Она аккуратно называла ошибкой всё, чего не умела учесть.

Глава 4. Человек мимо очереди

У рамки лежала корзина. Женщины рядом не было.

Матвей видел вмятину на серой ткани, две тонкие ручки, блеск бутылочного горлышка. Видел, как прохожие ставили ноги чуть шире обычного, обходя препятствие, которого не замечали. Тёмная нить в жетоне тянулась к пустому воздуху справа от корзины.

— Она здесь, — сказал он.

Елисей посмотрел на очередь.

— Кто?

— Звонарь Нижних ворот.

— В журнале нет имени.

— Это не ответ.

Матвей шагнул к натянутой нити и вытянул руку. Пальцы встретили шероховатую ткань рукава. Женщина вздрогнула и отшатнулась; на мгновение проявился край её плеча, седая прядь, испуганный глаз.

— Не трогайте, — произнесла она.

Голос был рядом, но очередь не обернулась.

— Простите. Я Матвей Ладин. Видел вас утром.

— Утром меня видели многие.

— А сейчас?

Она помолчала.

— Сейчас вы держите меня за рукав.

Матвей отпустил. Очертания сразу поблекли, словно их смыло светом площади. Железная скобка на его лацкане загорелась, подтверждая служебное действие, но к женщине от неё не протянулось ничего.

— Елисей, спросите, кто должен получить сегодняшний звон.

— Все, кто проходит через Нижние ворота.

— Не «все». Конкретно.

Служитель нахмурился. Он привык требовать точности у посетителей, но не у собственных формулировок.

— Караульные открывают створки по сигналу. Возчики въезжают после открытия. Рыночный надзор отмечает начало торговли.

— Кто ждал первый обоз?

Елисей раскрыл журнал допуска. В приложении к третьему сбою нашлась накладная: сорок мешков муки для трёх пекарен Нижнего квартала. Обоз задержался за воротами на сорок семь минут.

— Пекарня «Три зерна», — прочитал он. — Получатель груза — мастер Дорофей Круг.

— Значит, звон был нужен Дорофею, чтобы вовремя получить муку.

Матвей повернулся к пустоте.

— Вы звонили сегодня?

— Да.

— Кто слышал?

— Колокол.

— Я спрашиваю о людях.

— Караульный Тверд. Девочка, которая носит ему завтрак. Два возчика. Но они услышали звук и не признали сигнал. Без жетона колокол просто шумит.

В бороздке жетона шевельнулась нить. Матвей достал карандаш и на последней странице договора написал: «Исполнитель утреннего звона — женщина у гостевой рамки. Получатель — Дорофей Круг через доставку муки. Результат не принят из-за отсутствия подтверждения».

Слова потемнели, но След не возник.

— Как вас зовут?

Тишина затянулась так, что Матвей решил: женщина ушла.

— Лиора Вежа.

Он вписал имя. Тёмная нить вышла из жетона, коснулась карандашной строки и потянулась в сторону Нижнего квартала. Очертания Лиоры стали чётче: невысокая женщина в сером пальто, с усталым лицом и волосами, собранными медной шпилькой. Она держала правую руку прижатой к груди. Суставы двух пальцев были распухшими.

Елисей уронил взгляд в журнал. На месте пятна проступили первые буквы имени.

— Лиора Вежа, — прочитал он. — Звонарь Нижних ворот. Двадцать два года, семь месяцев...

Лиора резко взяла корзину.

— Бывшая звонарь.

Буквы снова поплыли.

— Не говорите так, — попросил Елисей.

— Почему?

— Запись не удерживается.

— А я должна удерживаться за неё?

Она сказала это тихо, но человек перед рамкой обернулся, будто услышал колебание воздуха. Посмотрел сквозь Лиору и отвернулся.

Матвей закрыл договор.

— Кому вы принесли бутылки?

— В Палату. Настой для суставов. Его варит моя сестра.

— Это заказ?

— Нет. Я хотела отдать в лечебную комнату. Там трое звонарей каждую неделю растирают кисти после смены.

— Значит, есть получатели.

— Не превращайте всё, чего я касаюсь, в работу.

Тёмная нить в жетоне дёрнулась и ослабла. Матвей понял ошибку раньше, чем Елисей успел обрадоваться новой возможной связи.

— Вы правы, — сказал он. — Это дар сестры. Вы только принесли его, потому что хотели.

Лиора посмотрела на него внимательнее.

— Палата так не умеет. Если действие принесло пользу, она ищет, кому повесить знак.

— А если пользы нет?

— Тогда человека можно не замечать.

Очередь продвинулась. Теперь Лиора стояла первой перед служительским столом, хотя пришедший следом переписчик положил жетон прямо перед ней. Служитель принял его бумаги, задал вопросы, поставил печать. Лиора ждала в расстоянии вытянутой руки.

— Она была раньше, — сказал Матвей.

Служитель поднял голову на железную скобку.

— Кто?

Елисей встал рядом с Лиорой и громко произнёс:

— Посетительница Лиора Вежа. Цель — заявление о смене зарегистрированного дела.

Рамка вспыхнула зелёным на словах «зарегистрированного дела». Служитель увидел жетонную должность раньше женщины.

— Звонарь Нижних ворот, проходите.

— Бывшая звонарь, — повторила Лиора.

Зелёный свет погас. Следующий посетитель шагнул вперёд и подал пакет прошений через её локоть.

Матвей перехватил бумаги.

— Здесь человек.

— Здесь очередь, — ответил посетитель. — Не задерживайте.

— Она стоит перед вами.

Мужчина всмотрелся в Лиору. На секунду увидел лицо, смутился, попятился. Потом его взгляд упал на пустую грудь без жетона, и лицо женщины снова стало для него неважной частью площади.

— Я не толкался, — сказал он уже увереннее.

Матвей вернул пакет, но не отошёл.

— Елисей, оформите её сопровождаемой.

— У меня нет основания перемещать её под ответственность Палаты.

— У вас третий сбой из поручения председателя.

— Сбой относится к утреннему звону.

— Звон совершил человек, которого ваша очередь не обслуживает. Это одна цепочка.

Елисей посмотрел на серую дощечку за своим столом. Лиора заметила направление взгляда.

— Не надо, — сказала она. — Я не вещь.

— Формуляр называется неудачно, — пробормотал он.

— Он называется честно.

Матвей вынул из папки чистый лист и написал крупно: «ЛИОРА ВЕЖА. ПРИЁМ ПО ВОПРОСУ ОТКАЗА ОТ ДЕЛА». Подал ей.

— Держите перед собой.

— Как вывеску?

— Как требование к ним прочесть имя раньше должности.

Лиора взяла лист здоровой рукой. Бумага не была связана со Следом, но люди умели читать без магии. Очередь впервые отступила, оставляя ей место.

Служитель за столом поморщился.

— Заявления об отказе принимаются в переходном отделе.

— Где он?

— Внутренний коридор, дверь со знаком двух ступеней. Проход по действующему жетону.

— У неё нет жетона.

— Тогда заявление об утрате жетона принимается здесь.

Лиора поставила корзину на стол.

— Я его не утратила.

— Где он находится?

— В колоколе.

Служитель впервые увидел её целиком.

— Это невозможно.

— Значит, Палата не ошиблась. Ошиблась я, когда бросила его туда.

По очереди прошёл ропот. Даже те, кто не видел Лиору, слышали фразу о жетоне. Для Веретья это было почти признанием, что человек выбросил собственное имя.

Елисей быстро отвёл их от стола в нишу между окнами.

— Зачем? — спросил он.

— Чтобы колокол хоть раз позвонил не потому, что я обязана.

— Но без знака След не принимает сигнал.

— Теперь знаю.

Лиора села на низкую каменную скамью. Лист с её именем лежал на коленях. Пока надпись была видна, проходящие оглядывались. Некоторые читали, но тут же забывали, зачем посмотрели.

— Мне было семнадцать, когда приснился первый звон, — сказала она. — Я стояла на башне, и весь город отвечал дверями. Утром побежала в Палату раньше отца. Думала, что выбрала высоту, ветер и звук. Оказалось, выбрала расписание.

— Вы хотите другое дело? — спросил Матвей.

— Я хочу утром не поднимать правую руку.

Она расстегнула пальто. Под ним была широкая кожаная перевязь, поддерживавшая локоть. Сустав распух сильнее, чем Матвей заметил снаружи.

— Лекарь запретил звонить?

— Велел отдыхать три месяца. Палата прислала помощника. Мальчик тянет верёвку, я подтверждаю сигнал жетоном. Для реестра работаю я.

— Почему не передать дело ему?

— Потому что ему приснилась настройка башенных часов. Он помогает до регистрации. Если примет мою должность, Нижние ворота получают звонаря и потеряют единственного будущего часовщика на южной стороне.

Елисей начал что-то записывать.

— Можно запросить временную замену из Верхних ворот.

— Запрашивала. Там звонарю шестьдесят восемь, и он один. Мне предложили ждать нового сна у кого-нибудь из учеников.

— Сколько ждать?

— След не сообщает расписание.

— А сменить профессию вы хотите из-за руки? — спросил Матвей.

Лиора долго разглаживала край листа.

— Из-за тишины.

— Какой?

— После звона. Двадцать два года люди слышат меня, только когда я открываю им ворота. Если я говорю с башни своим голосом, внизу никто не поднимает головы. Если звоню не по времени, приходит Палата. Если вовремя — никто не спрашивает, кто дёрнул верёвку. Я решила узнать, что останется, если не будет жетона.

— И бросили его в колокол.

— Вчера вечером. Сегодня утром поднялась, потянула верёвку левой рукой. Колокол ударил. Караульный посмотрел на башню и сказал помощнику, что звонарь опоздала. Я стояла рядом.

Матвей записал последовательность. Отказ от знака не остановил способность. Он разорвал признание результата и почти сразу начал стирать исполнителя.

— Почему вы пришли в Палату без жетона, если знали, что вас не пропустят?

— Хотела проверить, существует ли отказ до того, как его разрешили.

— И?

— Очередь ответила.

У рамки продолжали принимать людей. Каждый занимал место по своему Следу: переплётчик к столу заказов, водомер к техническому окну, мать с подростком к регистрации первого сна. Лиора находилась в двух шагах, но не принадлежала ни одной линии движения.

Человек мимо очереди, подумал Матвей. Не последний и не незаписанный — тот, для кого порядок не предусматривал шага.

— Жетон можно достать? — спросил Елисей.

— Колокол закрыт до вечерней проверки. Ключ у караульного.

— Тогда вернём знак, оформим медицинский перерыв и заявление о переходе.

— Вернём знак, чтобы система снова увидела меня только звонарём.

— Иначе вы исчезнете.

— Это угроза или описание?

Елисей сжал журнал.

— Описание.

— Тогда почему звучит так, будто я сама виновата?

Он не нашёл ответа.

Матвей посмотрел на железную скобку. Савва запретил вмешиваться в След без разрешения. Но пока они пойдут за разрешением, Лиора может стать пятном в журнале. Он уже однажды связал её с конкретным получателем звона — Дорофеем Кругом. Связь оставалась слабой, потому что пекарь не подтвердил результат.

— Нам нужен Дорофей, — сказал Матвей.

— Пекарь? — спросил Елисей.

— Если он признает, что утренний звон был исполнен Лиорой и задержка возникла из-за системы допуска, цепочка замкнётся хотя бы на сегодня.

— Это вмешательство.

— Это опрос получателя в рамках проверки.

— Вы заранее знаете, какого ответа хотите.

— Я хочу правдивого ответа. Если он не слышал звон или не считает его сигналом, связь не возникнет.

Лиора подняла лист.

— А завтра вам понадобится новый человек, который подтвердит, что я полезна?

Матвей не стал утешать.

— Возможно.

— И это ваше решение?

— Нет. Это способ выиграть время, пока мы ищем решение, которое не требует ежедневно доказывать вашу пользу.

— Такое решение есть?

— Если нет, Полная перепись закрепит не профессии. Она закрепит право города забывать всех остальных.

Елисей резко оглянулся на двери председательского коридора.

— Осторожнее с формулировками.

— Запишите дословно в вечерний отчёт.

Железная скобка светилась. Поручение всё ещё признавало их спор частью проверки.

До пекарни «Три зерна» они добрались втроём. Лиора шла с листом перед грудью. Елисей держался слева и вслух называл повороты, словно сопровождал человека в тумане. Матвей нёс корзину. Это оказалось полезнее шнура: прохожие замечали предмет и оставляли свободное место его владелице.

У Нижних ворот стоял мучной обоз. Возчики ругались с надзором, пекарские подмастерья перетаскивали мешки на тележки, и белая пыль лежала на мостовой, как первый снег. Над воротной башней висел медный колокол. Из-под его края едва заметно свисала оборванная красная лента — шнур жетона.

Лиора остановилась.

— Он там.

— Сначала пекарь, — сказал Матвей.

Дорофей Круг оказался широким мужчиной в муке до бровей. Он выслушал объяснение, не прекращая считать мешки.

— Звон был? — спросил Матвей.

— Был звук. Ворота не открыли.

— Вы его слышали?

— Из пекарни — нет. Возчик слышал.

— Вы получили муку позже из-за того, что караул не признал сигнал?

— На сорок семь минут. Первая партия хлеба выйдет после обеда.

— Кто, по-вашему, выполнил работу звонаря?

Дорофей посмотрел туда, где стояла Лиора. Увидел лист. Прочитал имя.

— Лиора звонила двадцать два года.

— Сегодня.

— Сегодня жетон не ответил.

— Я спрашиваю не о жетоне.

Пекарь нахмурился. Для него различие было непривычным, но не сложным.

— Если она дёрнула верёвку и колокол ударил, звонила она.

— Вы принимаете этот результат как выполненный сигнал открытия?

— Нет. Ворота остались закрыты.

Тёмная нить натянулась, но не замкнулась. Матвей ощутил сопротивление жетона — тот не мог подменить отсутствующий результат красивой формулировкой.

— Что было нужно, кроме звука?

— Чтобы караул открыл створки.

Они нашли караульного Тверда в воротной будке. Тот увидел Лиору только после того, как Елисей назвал её действующей звонаркой. На слове «бывшая» взгляд снова поплыл.

— Почему вы не открыли ворота? — спросил Матвей.

— Не было подтверждённого сигнала.

— Колокол звучал?

— Звучать может от ветра, поломки, проверки.

— Лиора стояла у верёвки.

— Звонарь обязана носить знак на службе.

— Вы видели её?

Тверд посмотрел на женщину с листом.

— Сейчас вижу.

— Утром?

— Видел кого-то на башне. Решил, что помощник.

— Если бы Лиора заранее сказала: «Завтра звоню без жетона», вы открыли бы ворота?

— Нет.

— Почему?

— Потому что тогда любой может ударить в колокол и впустить обоз ночью.

Матвей записал. Здесь Палата была права: звук без подтверждённого исполнителя не мог служить безопасной командой. Но из этого не следовало, что Лиора должна оставаться единственным звонарём или исчезнуть.

— Как подтверждается сигнал, если жетон звонаря повреждён?

— Два караульных поднимаются на башню, узнают человека и дают ручное подтверждение.

— Почему не поднялись сегодня?

Тверд удивился.

— Звонарь не сообщала о повреждении.

— Жетон был у вас над головой. Вы решили, что звонаря нет, вместо того чтобы проверить, кто звонит.

Караульный покраснел.

— У нас обоз, смена и три входа. Мы не бегаем за каждым странным звуком.

— Поэтому существует процедура двух караульных. Вы её не начали, потому что отсутствие знака сделало человека не причиной для проверки, а пустым местом.

Елисей перестал писать. Он смотрел на башню.

— Ручное подтверждение можно провести сейчас, — сказал он. — С опозданием, но для записи сбоя.

Тверд позвал второго караульного. Они вместе поднялись по лестнице, осмотрели верёвку, колокол и красную ленту. Лиора ждала внизу. Через несколько минут оба вернулись с жетоном: круглая медная пластина со знаком раскачивающегося языка.

— Подтверждаем, что утренний удар произведён с рабочего места звонаря, — отчеканил Тверд. — Механизм исправен. По свидетельству помощника верёвку тянула Лиора Вежа.

— А результат? — спросил Матвей.

— Не завершён из-за непризнанного сигнала.

Матвей повернулся к Дорофею.

— Если караул сейчас подтверждает, что звон был утренним сигналом, принимаете ли вы его как выполненную часть доставки, пусть и с задержкой?

Пекарь вздохнул.

— Принимаю звон. Не принимаю сорок семь минут ожидания.

— Так и запишем.

Тёмная нить замкнулась не кругом, а цепью из отдельных звеньев: Лиора — колокол — караул — обоз — пекарь. Одно звено светилось слабее остальных, отмечая задержку. Люди вокруг одновременно повернули головы. Лиора стояла среди них ясно, без листа перед грудью.

Елисей произнёс её имя и впервые не посмотрел в журнал.

Жетон звонаря в ладони Тверда вспыхнул. Свет потянулся к Лиоре, требуя привычного места на груди. Она спрятала руки за спину.

— Не верну, — сказала она.

— Без него связь снова ослабнет, — предупредил Елисей.

— Сегодняшняя работа завершена. Завтра я не выйду.

На воротах заскрипели створки. Обоз наконец двинулся внутрь, и След утреннего звона начал растворяться в новых цепочках: мука — пекарня — тесто — хлеб. Видимость Лиоры держалась, но Матвей уже понимал: до вечера, может быть до утра. Потом городу снова понадобится доказательство.

— Кто будет звонить завтра? — спросил Тверд.

— Помощник может тянуть верёвку, — ответила Лиора. — Вы двое подтвердите его вручную.

— Каждый день?

— Пока Палата не даст временный допуск или не найдёт замену.

— Это займёт людей с караула.

— Да.

Она не делала вид, будто свобода ничего не стоит. Матвею понравилось это больше, чем любой безупречный довод.

Елисей завернул жетон в лист с именем Лиоры.

— Я обязан доставить знак в Палату как найденный.

— Доставьте. И заявление об отказе.

— Без вашей подписи его не примут.

Лиора взяла карандаш левой рукой и расписалась поперёк строки о действующей профессии. Буквы вышли неровными, но не исчезли.

— Теперь примут?

Елисей посмотрел на подпись, на жетон и на Матвея.

— Теперь им придётся решить, куда поставить бумагу.

Из башни спустился мальчик-помощник. Он поздоровался с Лиорой, не глядя на жетон, и отдал ей медную шпильку, забытую у верёвки. Его взгляд не соскользнул.

— Почему он вас видит? — спросил Матвей.

— Потому что каждый день приносит мне чай, — ответила Лиора. — И пока не научился считать это профессией.

Она забрала корзину, но бутылки отнесла не в Палату, а в караульную будку. Поставила на стол и объяснила Тверду, как разводить настой водой. Тот слушал неловко, зато слушал её, а не должность.

Матвей отметил в папке первый непризнанный разрыв: «Лиора Вежа. Способность сохранена, обязательство отвергнуто, замена возможна через ручное подтверждение. Утрата видимости началась до рассмотрения заявления и усиливалась при самоопределении как бывшей звонарки».

Ниже добавил: «Система обслуживает вакансию быстрее, чем человека, который её освобождает».

Железная скобка нагрелась. Где-то в Палате Савва получил первую строку вечернего отчёта раньше срока.

Лиора ушла к сестре, не надев жетон. Прохожие ещё уступали ей дорогу. У следующего перекрёстка один возчик окликнул её по имени и спросил, будет ли звон завтра.

— Будет, — ответила она. — Но не мой.

Звон на башне качнулся от ветра. Никто не открыл ворота, и это было правильно.

Матвей смотрел, как Лиора удаляется среди людей. Теперь он знал: вернуть человеку видимость на один день можно, если доказать его пользу. Гораздо труднее было добиться, чтобы завтра его увидели без доказательств.

Глава 5. Настройщик мостов

К полудню мост через Сурожку научился вздыхать.

Сначала Матвей принял низкий протяжный звук за тележное колесо. Потом мост вздохнул снова — под ногами: настил чуть приподнялся, словно набрал воздуха, и из щели между досками высыпалась светлая пыль. Прохожие не остановились. Только женщина с корзиной крепче взялась за перила.

— Он не должен так делать, — сказал Елисей.

Железная скобка поручения привела их сюда от Нижних ворот. У входа молодой человек в серой палатской куртке ударял камертоном о деревянный молоток. Камертон звенел чисто. Мост отвечал вздохом.

— Закрывать проход, — велел Елисей.

— Уже закрывал. Рыбный ряд заставил открыть. В обход двадцать минут: сливки сядут, школьный обед опоздает.

— Если настил разойдётся, опоздает больше.

Молодой человек снова ударил камертон. На этот раз мост ответил двумя звуками: глухим под досками и тонким в правых перилах. Настройщик услышал только второй и приложил ладонь к синей перекладине.

У противоположного входа человек в длинном коричневом пальто быстро сел на лавку. Левую ногу он держал прямо, а рядом лежал футляр с семью камертонами.

— Агей Вель? — спросил Матвей, прочитав имя на медной табличке.

— Табличка знает.

— А вы?

— До вечера тоже.

Под пальто обнаружился ремень, стягивавший бедро и колено. Молодой человек представился Мироном Складнем, временной заменой Агея, и повторил диагноз: правое перило выше нормы на четверть голоса, средняя арка тянет его после сырости.

— Два отклика, — сказал Матвей. Он видел, как след каждой тележки в середине пролёта расходится: одна нить к перилам, другая вниз, к опоре.

— У моста один строй, — возразил Мирон.

— Был один до паводка, — ответил Агей. — Каменную пятую усилили мастера северной дамбы. Они оставили След удержания, я свёл его со Следом проводимого шага. Получился смешанный строй.

— Почему этого нет в паспорте? — спросил Елисей.

— Палата не регистрирует смешанные Следы. Я написал «дополнительное крепление».

— Вы скрыли изменение критического сооружения.

— Я удержал мост.

Мирон опустил камертон.

— Вы учили меня, что нижний гул — вода под сводом.

— При обычной нагрузке так и есть.

— А при необычной?

Из-под неподвижной ноги Агея к первой доске тянулась мутная нить и обрывалась. След хотел повторить знакомое движение через тело, которое больше не могло его выполнить.

Агей признался: на канатном переходе у мельниц порыв сложил площадку, и он упал между балками. Лекарь разрешил сидеть, но не выходить на пролёт.

— Я хочу больше не быть человеком, которого посылают первым на качающийся мост только потому, что жетон увереннее моей ноги, — сказал он. — Хочу учить, составлять карты строя, слушать записи после ремонта.

— Тогда почему не передали Мironу смешанный строй?
— Передавал. Он не слышит пята.
— Мой След выбрал настройку мостов, — резко сказал Мiron.
— Прямых пролётов. Ты слышишь дерево и металл. Каменная опора после чужой работы — другое дело.

— Палата назначила меня вашей заменой.

— Палата увидела свободное место.

Матвей приказал закрыть мост. Елисей потребовал подтверждённый предел опасности, и Матвей указал на пыль из соединения, два независимых отклика и скрытый смешанный строй. Красный шнур лёг между столбами. Торговцы возмутились, но Елисей установил четверть часа полного закрытия, велел записать срочные доставки и найти носильщиков для обхода.

— Для испытания нужен мастер в середине, — сказал Агей, пытаясь встать.

— Сидите, — остановил его Матвей. — Нам нужен проверяемый результат, а не повторение вашего падения.

Два одинаковых ящика сняли с тележки и пронесли разными путями. Мiron слушал перила, Агей — нижний гул, Елисей отмечал отклонение отвеса, Матвей следил за нитями нагрузки. При проходе по центру верхний и нижний отклики расходились. У левого края верх затихал быстрее, но опора продолжала держать вес ещё четыре удара сердца.

— Вот вздох, — сказал Агей. — Верх уже отпустил, низ ещё держит. Если следующий ступает в эти четыре удара, Следы складываются.

Причину заметила пирожница. Рыбный ряд недавно заменил широкие тележки узкими; теперь колёса шли ближе к середине, каждый раз по одной линии.

— Верхний След Мironа слышит напряжение настила, нижний След Агея — задержку опоры, — подвёл итог Матвей. — По отдельности оба результата верны и оба недостаточны.

— Значит, я не замена, — сказал Мiron.

— Не единственная замена.

По ремонтному журналу нашли мастерицу северной дамбы Тая Нередь. Она пришла в высоких сапогах, легла на камень и приложила ухо к опоре.

— Пята держит, но связка торопится. Дерево отдаёт нагрузку раньше, чем камень готов принять.

— Я задержу отдачу второй скобой, — предложил Мiron.

— Переложишь рывок на третью арку.

— Тогда ослаблю третью на восьмую долю.

Агей закрыл глаза.

— И поднимешь левый край.

— Пусть, — сказала Тая. — Камень возьмёт, если пауза станет длиннее на один удар.

Они собирали результат, которого не было ни у одного по отдельности. Мiron называл натяжение скоб, Тая — готовность опоры, Агей сопоставлял их с прежним строем. Матвей спрашивал, каким наблюдением можно проверить каждое утверждение. Елисей вёл таблицу: положение скоб, отклонение отвеса, время затухания сверху и снизу, вес груза.

Настройку выполнил Мiron, пристёгнутый страховочной верёвкой к береговому столбу. Агей не поднялся с лавки. Тая слушала опору с суши. После каждого поворота ключа грузчики снова несли ящики.

На четвёртом испытании верх и низ замерли одновременно. Мост не вздохнул.

Очередь на набережной заплодировала, но Агей потребовал тележку. Её нагрузили мешками с песком. Доски прогнулись, отвес качнулся, камень принял вес. Все нити погасли вместе.

— Теперь держит без спора, — сказала Тая.

Елисей снял шнур, оставив запрет гружёным тележкам до вечерней проверки. Пешеходы пошли по одному. Каждый оглядывался на табличку с именем Агея, хотя ключ держал Мирон, опору слушала Тая, а порядок испытания записал Елисей.

Матвей перевернул табличку. На обороте имелась пустая графа «помощники».

— По форме ответственность остаётся на зарегистрированном настройщике, — сказал Елисей.

— Нет, — возразил Агей. — Я не выходил на мост и не поворачивал ключ. Запишите мою часть: диагностика смешанного строя. Мирону — настройка настила. Тае — проверка опоры.

— Форма не делит результат.

— Результат уже разделён, — сказал Матвей. — Форма отстаёт.

Железная скобка вспыхнула. Три короткие нити протянулись к футляру Агея, ключу Мирона и испачканному рукаву Таи, а сошлись на табличке. Елисей написал три строки поперёк одной графы.

— Палата вернёт акт.

— Принесём снова.

— А что будет с моим назначением? — спросил Мирон.

— Останется вашим, — ответил Агей. — Просто больше не обещает, что вы один услышите любой мост.

Он признался, что скрывал нижний строй ещё и из страха: если назвать смешанный След, Палата объявит его незаменимым и навсегда оставит на должности. Тая усмехнулась:

— Без тебя нельзя было, пока ты не позвал тех, без кого нельзя тебе.

Агей передал Мирону два камертона, пять оставил для карты.

— Я остаюсь Агеем, который умеет слышать мосты и не хочет на них выходить. Пусть Палата придумает строку.

Матвей подумал о заявлении Лиоры, для которого тоже не существовало строки. Город считал пустую строку отсутствием человека. Сегодня на одной табличке поместились трое, и мост от этого не стал ничейным.

— В отчёте укажу, что временная замена недостаточна, — сказал Елисей.

— Иначе: «Индивидуальная замена недостаточна для смешанного Следа; составная замена дала проверенный результат». Приложите измерения.

— Председатель скажет, что мы создали должность из трёх людей.

— Мы не создавали должность. Мы починили мост.

В щели футляра Агея Матвей заметил клочковатую серую пыль — не древесную и не каменную. Такая же налипла на пустой жетон после сна.

— Откуда это?

— Из двора, куда я относил обломки после паводка. Палата велела складывать там всё, чему нельзя назначить владельца: смешанные детали, инструменты ушедших мастеров, незакрытые заказы.

— У двора есть название?

— В накладной нет. Рабочие зовут Безымянным.

Синяя нить поручения дрогнула и ушла вверх по Сурожке, за склады, где дома стояли тесно и ни на одном не было вывески. Пустой жетон под рубашкой Матвея похолодел.

Они договорились вернуться к вечеру для повторного испытания. Мирон остался у моста, Тая ушла к шлюзу, Агей — составлять карту смешанного строя. В акте ответственность была разделена на три проверяемые части. Ни одна не притворялась целым мостом.

Матвей и Елисей пошли вслед за синей нитью.

За спиной снова застучали шаги. Мост принимал их, удерживал и отпускал без вздоха — не потому, что нашёл единственного настоящего мастера, а потому, что трое перестали выдавать разные умения за одно и то же.

Глава 6. Безымянный двор

Синяя нить умела выбирать улицы, которых не было на указателях.

От моста она поднялась вдоль Сурожки, нырнула между соляным складом и прачечной, пересекла двор с развешанными простынями и ушла под запертые ворота. Матвей дважды сверял путь с планом Веретья. На плане за воротами помещался ровный серый прямоугольник без номера и подписи.

— Служебный проезд Палаты, — сказал Елисей. — Здесь должны хранить списанное имущество.

— Что значит «списанное»?

— Вещь больше не связана с действующим мастером и не может быть передана по обычной очереди.

— Например, камертоны человека, который перестал настраивать мосты?

— Камертоны Агея не списаны.

— Потому что он сумел оставить их у себя.

На воротах висели три замка. Два были железными, третий состоял из тонких светлых нитей, сходящихся к круглой печати Палаты. Елисей приложил скобку поручения. Печать узнала служителя, мигнула и погасла, но замки не открылись.

— Моего допуска недостаточно.

Матвей провёл пустым жетоном вдоль створки. Синяя нить натянулась. Внутри что-то негромко упало, будто предмет попытался откликнуться и не нашёл руки.

— Тогда зафиксируем отказ в доступе и вернёмся с подписью Саввы, — предложил Елисей.

— До вечернего отчёта?

— Это установленный порядок.

— А установленный порядок говорит, что двора нет.

Матвей не тронул замки. Он обошёл стену. За прачечной водосточный жёлоб уходил не к реке, а под серый прямоугольник. В нём лежала та же клочковатая пыль, что в футляре Агея. Пыль не размокала. В каждой крупинке на миг вспыхивали разные цвета: зелёный стекольника, красный печника, белый сиделки, потом все становились серыми.

Елисей присел рядом и поднёс к жёлобу железную скобку. Та задрожала.

— Следы дел, — сказал он. — Слишком много.

— Списанных вещей?

— Вещи не оставляют След без человека и получателя.

Они нашли вход со стороны реки. Маленькая калитка была прижата изнутри грудой коробов, но нижняя доска сгнила. Матвей видел за ней синий изгиб нити. Пролезать под дверью означало нарушить прямой запрет. Он попросил Елисея записать точное время, состояние замков, видимую пыль и отклик скобки.

— Вы заранее превращаете нарушение в акт, — заметил Елисей.

— Я превращаю догадку в проверяемое решение. Если внутри старые доски, вернёмся и признаем ошибку. Если там люди — время имеет значение.

— Мы не слышали людей.

Из-за стены донёсся стук. Три удара, пауза, ещё два. Не зов о помощи — рабочий ритм, оборванный посередине.

Елисей снял куртку, обернул ладонь и выломал трухлявую доску.

— В акте укажите, что доступ обеспечил сопровождающий.

— Укажу.

Во дворе было холоднее, чем на набережной. Четыре глухих корпуса окружали площадку, заставленную вещами. Здесь лежали дверные петли без дверей, ящики с непарными сапожными колодками, хирургический столик с одним колесом, колокольные языки, связки ключей, куски мостовых скоб. Между ними тянулись проходы, размеченные белой краской. На стенах висели таблички: «НЕПОЛНАЯ ПЕРЕДАЧА», «НЕУСТАНОВЛЕННЫЙ ПОЛУЧАТЕЛЬ», «СМЕШАННЫЙ СЛЕД», «ОТКАЗ ДО НАЗНАЧЕНИЯ».

Название двора отсутствовало не по забывчивости. Безымянность была его порядком хранения.

Стук повторился в дальнем корпусе. Матвей и Елисей пошли туда, стараясь ничего не касаться. Пустой жетон тяжелел у Матвея на груди. От каждой кучи к нему тянулась короткая нить, но ни одна не доходила: одна искала ладонь, другая — окно, третья — человека, который должен был сказать, что результат принят.

В открытом сарае работал деревянный сортировщик. Над лотком качалась рама с палатской печатью. Медное плечо подхватывало принесённую вещь, рамка считывала её След и сбрасывала в один из трёх коробов. Матвей увидел, как из трубы выпала детская счётная доска. На обороте мелом было написано: «Для школы у Восточной стены». Рамка вспыхнула жёлтым, поискала зарегистрированного изготовителя, не нашла и столкнула доску в короб «НЕУСТАНОВЛЕННОЕ».

При ударе о дно имя школы побледнело.

— Кто запускает машину? — спросил Матвей.

— Должен быть смотритель склада.

— Его жетон здесь?

Елисей проверил журнал на крючке. В графе дежурных стояли даты и короткие росчерки, но строки имён были пусты. Последняя запись появилась сегодня утром: «Принято сорок семь единиц. Освобождено две связи».

— Освобождено от чего?

Ответ лежал в следующем помещении. На длинном столе стояли стеклянные колбы, соединённые с сортировочной рамой. В них оседала серая пыль. Под каждой колбой имелась карточка с номером дела, профессией и причиной снятия. Имени человека на карточках не предусматривалось.

«Звонарь. Отказ по состоянию руки. Жетон не передан».

Матвей узнал номер заявления Лиоры.

В колбе над карточкой кружилась тонкая серебряная нить. Она билась о стекло в ритме утреннего колокола, хотя Лиора уже передала заявление и её результат был принят караулом.

— Палата знает об отказе, — сказал Матвей. — Не умеет признать человека бывшим звонарём, но умеет доставить сюда его След.

— Карточка могла появиться после нашего акта.

Матвей показал дату. Она была на девять дней раньше их приезда в Веретье.

Елисей перечитал запись и ничего не ответил.

Рядом стояли колбы «Сиделка. Отказ до назначения», «Красильщик. Несовместимость с раствором», «Печник. Смешанный След каменщика», «Переписчик. Самовольная смена способа». На некоторых карточках вместо причины стояла печать: «Не влияет на распределение».

Матвей снял журнал поступлений. По номеру можно было найти накладную, по накладной — адрес мастерской, но не всегда человека. Система последовательно удаляла имя: сначала заменяла его профессией, затем номером дела, затем видом остатка.

— Это архив отходов, — сказал Елисей, но уже без уверенности.

— Отходов чего?

Стук донёсся из-за перегородки.

Там сидел человек в палатском фартуке и прибивал крышку к ящику. Матвей заметил его только потому, что молоток двигался сам собой. Лицо у работника было обычное, усталое, с неглубоким шрамом у виска. Стоило молотку остановиться, взгляд соскальзывал на пустой верстак.

— Добрый день, — сказал Матвей.

Человек поднял голову с таким испугом, словно услышал голос из закрытой комнаты.

— Вы меня видите?

— Сейчас — да. Как вас зовут?

Работник открыл рот. Рама в соседнем помещении щёлкнула, и звук имени утонул в ударе створки. Матвей услышал только начало: «Кор...»

— Повторите.

Человек повторил, но Елисей нахмурился.

— Он назвал должность?

— Корней Сута. Так?

Работник кивнул и крепко ухватился за молоток.

— Я был приёмщиком незаконченных заказов. Потом отказался принимать вещи без имён. Мне велели сдать жетон и обучить замену. Замена не пришла. Я остался закрыть дневную ведомость.

— Когда?

— В конце листопада.

На дворе начиналось лето.

— Вы выходили отсюда?

— Каждый вечер. Наверное. — Корней посмотрел на свои сапоги. — Иногда ворота не узнают. Тогда сплю в сторожке. Еду привозят для дежурного, ставят у порога. Если я беру поднос, развозчик утром отмечает, что склад расходовал паёк.

Елисей спросил номер регистрации. Корней назвал его сразу. В служебном журнале нашлась строка: «Приёмщик выбыл. Остаток функций погашается по месту хранения». Имени не было.

— Почему вы продолжаете прибивать крышки? — спросил Матвей.

— Пока я заканчиваю ящик, двор меня держит. Если остановлюсь, вы перестанете слышать. Я пробовал.

Он положил молоток.

Елисей моргнул и повернулся к Матвею.

— Где работник?

Корней сидел между ними. Матвей тоже терял контуры его лица, но пустой жетон обжёг грудь, а синяя нить связала незакрытый ящик, молоток и руку. Матвей поднял крышку.

— Корней, назовите получателя этого ящика.

— Архив Палаты.

— Кто в архиве примет?

— Никто. Его ставят у стены.

Значит, завершение было ложным: короб закрывали, но результат никому не передавали. Работа удерживала человека лишь коротким повторением движения и никогда не могла закончиться.

Матвей вложил в ящик журнал колб, оставив крышку открытой.

— Елисей, примете от Корнея опись как служащий, сопровождающий аудит?

— У него нет действующего допуска.

— Принимаете не должность. Документ с наблюдениями.

Елисей посмотрел на пустое место, где должен был сидеть человек, затем на молоток, который уже не двигался. Он медленно протянул руку.

— Принимаю опись двора для приложения к акту. Нужна подпись составителя.

Корней проявился сразу весь — сначала ладонь, потом фартук, шрам, серые глаза. Он расписался на последнем листе. Железная скобка Елисея вспыхнула, подтверждая передачу.

— Корней Сута, — повторил Елисей. — Приёмщик... бывший приёмщик незаконченных заказов.

— Просто Корней, — попросил тот. — Должность можете записать отдельно.

В сортировочной комнате рама ударила медным плечом, но новая вещь застряла над коробами. Это была корзинка с тремя флаконами и запиской: «Мазь для ожогов, состав изменила ученица Неры». Рама искала единственного зарегистрированного изготовителя. След раздваивался между старой травницей, ученицей и больным, который ещё не получил лекарство. Не найдя простой линии, машина начала вытягивать цвета в серую колбу.

Матвей велел Корнею не касаться механизма и попросил Елисея засечь время. За семь ударов сердца буквы на записке стали бледнее. За двенадцать исчезло имя ученицы. За восемнадцать осталась только профессия «травник». На двадцать втором из серебряной нити пропал адрес получателя.

— Вот механизм, — сказал Матвей. — Рама не хранит непризнанный След. Она упрощает его до формы, которую умеет учитывать. Всё, что не помещается в одну профессию, объявляется остатком. Сначала исчезает соавтор, потом отказник, потом получатель. Без получателя работа не может завершиться, и остаток кормит двор снова.

— Сортировка не должна воздействовать на людей, — сказал Елисей.

— Но воздействует. Проверим обратимость.

Они сняли корзинку до того, как колба поглотила последнюю нить. На записке Матвей восстановил адрес по накладной. Елисей вписал трёх участников: Нера дала прежний состав, ученица изменила его после отсутствия нужной травы, больной должен подтвердить действие мази. Корней отметил, что вещь изъята для доставки, и передал её Елисею.

Серая пыль в колбе осела. Имя ученицы проступило не полностью, но первая буква вернулась.

— Значит, людей можно вернуть? — спросил Корней.

— Мы вернули одну связь до полного погашения, — ответил Матвей. — Это не то же самое.

Он не хотел выдавать надежду за результат. Вокруг стояли сотни колб, и многие были наполнены доверху.

Они составили выборку из десяти дел. В четырёх случаях смешанная работа поступила сюда после отказа реестра разделить вклад. В трёх человек сменил профессию, но новая работа не получила отдельной регистрации. В двух получатель не был назван точно. Последнее дело принадлежало девочке, которой След предложил чинить игрушки до возраста назначения; Палата изъяла её первые работы как «преждевременный навык». Имя на карточке отсутствовало с самого начала.

— Машина делает то, для чего её построили, — сказал Елисей. — Защищает очереди от ложных и незавершённых требований.

— И какой ценой?

— Если внести каждое желание как профессию, город не отличит врача от человека, которому однажды понравилось перевязать палец.

— Я не предлагаю вносить желание. Я предлагаю не стирать наблюдаемую работу только потому, что её нельзя сразу назначить одному владельцу.

— Без владельца некому отвечать за вред.

Матвей указал на корзинку с мазью.

— Здесь вред как раз возник бы из-за потери имён. Нельзя проверить, кто изменил состав и кто должен оценить результат.

Елисей провёл пальцем по карточке Лиоры.

— Савва мог не знать, что рама забирает видимость.

— Мог. Поэтому в отчёте будут измерение, опыт с остановкой и подпись Корнея, а не обвинение.

— И список пропавших?

— Список дел. Имена придётся восстанавливать по накладным, адресам и людям, которые помнят не только услугу.

Корней отвёл их в сторожку. На стене за календарём он прятал собственную тетрадь. В официальном журнале значилось сто восемьдесят четыре остатка за полгода. В тетради — шестьдесят три имени. Напротив некоторых стояли крестики.

— Они умерли? — спросил Матвей.

— Не знаю. Перестали приходить за вещами и отвечать на оклик. Я ставил крестик, когда трижды не мог найти адрес, хотя дом стоял на месте.

Имя Лиоры было без крестика. Корней записал её по жетону, найденному в колоколе. Рядом значились мастер игрушек Алесь Крой, красильщица Дана Ров, переписчик Тим Арса и ещё десятки людей, чьи профессии Матвей уже видел на колбах.

— Почему вы сохранили имена?

— Иначе у меня оставались только вещи. А вещь без имени легко назвать мусором.

Снаружи сортировщик снова застучал. Поступление продолжалось без зрителя: труба принимала всё, что Палата не сумела распределить. Корней показал привод. Медная цепь уходила под землю в сторону главного здания.

— Рама получает толчок каждый раз, когда реестр закрывает отказ или смешанный След как ошибку, — сказал он. — Остановить можно здесь, но тогда весь поток останется в трубах. Через несколько часов закупорит приёмные рамки по городу.

Уничтожить машину значило обрушить тот самый учёт, который Матвей пытался исправить. Оставить — позволить ей стирать людей дальше.

Он закрыл заслонку только на одном канале — «ОТКАЗ ДО НАЗНАЧЕНИЯ». Елисей записал время. Корней поставил под трубу ручной лоток и обязался сохранять имена из накладных, пока заслонка закрыта. Для смешанных Следов Матвей потребовал временно прикладывать отдельный лист участников, как в акте моста. Елисей выписал распоряжение в пределах поручения: не менять регистрацию, но приостановить обезличивание до вечернего решения председателя.

— Савва отменит, — сказал он.

— Тогда отменит письменно.

Они не вывели Корнея через главные ворота: печать по-прежнему его не узнавала. Но теперь он мог оставить двор, передавая кому-то конкретный незавершённый документ. Матвей взял тетрадь шестидесяти трёх имён как приложение к аудиту, Елисей принял её, а Корней шёл рядом, пока связь держалась.

У калитки он остановился.

— Если я уйду, лоток переполнится.

— На сколько хватит места?

— До заката, если не будет большого отказа.

Корней вернулся к ручному приёму — не потому, что двор снова назначил его навсегда, а на оговорённое время и с принятым результатом: сохранить имена до решения. Елисей записал срок. Матвей настоял, чтобы после заката Корнея сменил названный служитель Палаты.

Перед уходом они сняли копию тетради и вложили её в два разных конверта. Один нёс Елисей. Второй Матвей спрятал рядом с пустым жетоном.

Когда они выбрались на улицу, серый прямоугольник появился на плане Веретья. Под ним ещё не было названия, только номер служебного участка. Матвей вписал карандашом: «Безымянный двор — место погашения непризнанных связей».

Синяя нить пустого жетона не исчезла. Она разделилась: одна часть вернулась к Палате вместе с Елисеем, другая потянулась к Нижним воротам, туда, где Лиора ждала решения о жизни после колокола.

— Сначала отчёт Савве, — сказал Елисей.

— Сначала проверим одно имя из списка вне двора. Иначе у нас есть механизм, но нет доказательства, что погашение продолжается после выхода.

Елисей посмотрел на тетрадь.

— Лиора?

— Её мы уже умеем замечать через утренний сигнал. Нужен человек без действующей цепочки.

На первой странице без крестика стояло имя Алеся Кроя и адрес мастерской у Нижних ворот. Рядом Корней приписал: «Игрушки чинит, заказы не принимаются, дети помнят».

Матвей закрыл тетрадь.

За стеной двор продолжал стучать, превращая сложные связи в серую пыль. Теперь этот звук уже нельзя было принять за работу склада. Это был счётчик исчезающих имён.

Глава 7. Первое незавершённое дело

Мастерскую Алеся Кроя нашли по окну, возле которого дети замедляли шаг.

Вывески не было. За пыльным стеклом сидели деревянные звери: лисица с одним ухом, кит на четырёх колёсах, птица с раскрытым корпусом. Каждый был сломан и починен так, что след повреждения не скрывали. В трещины мастер вставлял цветные полоски дерева, и игрушка словно помнила две свои жизни.

— Здесь никто не работает, — сказал торговец напротив.

Девочка с жестяным корабликом тут же возразила:

— Работает. Только взрослым не видно.

Она постучала в нижний угол рамы: два раза костяшкой, один раз днищем кораблика. Дверь открылась.

Алесь Крой оказался широкоплечим человеком лет сорока с седой прядью над лбом. Он посмотрел сначала на девочку, потом на Матвея и только в конце на форму Елисея.

— Палатских заказов не беру.

— У вас нет действующей регистрации, — сказал Елисей.

— Поэтому и не беру.

Девочку звали Мила. У кораблика не вращался кормовой винт. Алесь посадил её за низкий верстак и положил рядом три отвёртки.

— Какая подходит?

Мила примерила самую большую, потом среднюю. Алесь не касался игрушки. Он задавал вопросы: когда винт заклинило, падал ли кораблик, шёл ли по песку. Девочка вспомнила, что младший брат насыпал внутрь муку, изображая снег.

— Значит, не винт сломан, — сказала она.

— Проверь.

Пока Мила вытряхивала из корпуса белые комки, Матвей видел между её пальцами, взглядом Алеся и корабликом ясную зелёную нить. Она не была Следом зарегистрированного мастера. Скорее дорогой, по которой умение переходило к тому, кому оно понадобилось.

— Вы чините через детей, — сказал Матвей.

— Я учу владельца понять поломку. Иногда чиню сам. Иногда оказывается, что вещь не требует мастера.

— Почему Палата закрыла ваши заказы?

Алесь показал старый жетон игрушечника. По краю проходила выскобленная полоса.

— Мой След назначал результатом исправную игрушку. Я стал считать результатом ребёнка, который знает, что именно исправлено. Рама решила, будто я присваиваю работу ученика и уклоняюсь от своей.

— Вы отказались от профессии?

— От записи — да. От дерева нет.

Елисей перелистал копию тетради Корнея.

— Ваше дело закрыто четыре месяца назад. Имущество должно быть передано городскому игрушечнику.

— Приходили. Унесли инструменты с палатской меткой. Мои оставили, потому что они записаны как домашняя утварь.

Мила поставила кораблик в таз. Винт завертелся. Алесь попросил её назвать причину и показать младшему брату, как чистить корпус. Девочка согласилась. Нить стала ярче, но железная скобка Елисея не отзывалась.

— Результат есть, — сказал Матвей. — Почему его не видит поручение?

— Нет зарегистрированного заказа и допустимого исполнителя.

— Зато есть получатель.

— Ребёнок не может принять работу без взрослого.

Мила нахмурилась:

— Кораблик мой.

— Для учёта нужен ответственный старше шестнадцати, — объяснил Елисей.

— Тогда учёт не видит половину этой комнаты, — сказал Алесь.

С улицы вошла Лиора Вежа. В здоровой руке она держала корзину, повреждённую прижимала к боку. Матвей не сразу понял, почему бывшая звонарка пришла сюда раньше них.

— Я Милу привела, — сказала она. — Её мать на мучном складе до вечера. После ухода из башни я отвожу детей от ворот домой.

Елисей сверился с заявлением.

— Это временное поручение караула?

— Это просьба соседки.

В учёте такого результата не существовало. Лиора не была ни родственницей, ни служительницей школы, ни зарегистрированной провожатой. Но именно она знала, где находится ребёнок, и могла принять отремонтированную вещь до возвращения матери.

Матвей положил на верстак лист и разделил его на четыре строки: владелец, обучающий, взрослый принимающий, конечная проверка.

— Мила установила причину и очистила механизм. Алесь научил проверке. Лиора принимает кораблик до передачи матери. Мать вечером подтверждает, что вещь вернулась владельцу и работает.

— Четыре человека ради одного винта, — произнёс Елисей.

— Четыре настоящие части вместо одного выдуманного мастера.

Лиора подписала строку. На бумаге проступил слабый серебряный звон — не звук башенного колокола, а тон ложечки о стакан. Её имя удержалось.

Алесь подписывать отказался.

— Если Палата признает это ремонтом игрушечника, меня снова привяжут к старому жетону.

— Запишем результат не профессией, а действием, — предложил Матвей. — «Показал способ установить причину поломки».

— И завтра появится профессия показывателя причин?

— Нет. Одно действие не обязано становиться пожизненным названием человека.

Эта фраза прозвучала увереннее, чем Матвей себя чувствовал. Его собственный жетон как раз пытался превратить незавершённые дела в новую профессию.

Алесь заметил пустую латунь у него на груди.

— А вы сами уже отказались от названия?

Матвей прикрыл жетон рубашкой.

— Пока проверяю, что он делает.

— Все мы сначала проверяли.

Но строку Алесь подписал.

Железная скобка Елисея коротко вспыхнула. В тот же миг с полки упала деревянная птица с раскрытым корпусом. Внутри неё лежал свёрнутый лист — накладная Безымянного двора на изъятие «непринятых результатов обучения». Печать стояла вчерашняя.

— Они продолжают приходить, — сказал Алесь. — Иногда не замечают меня и забирают чужие игрушки прямо при детях.

Матвей сравнил номер накладной со списком Корнея. Изъятие уже было проведено утром, хотя птица оставалась на месте. Реестр считал вещь вывезенной, потому что закрыл связь, а двор ждал предмет, которого не получил.

— Вот первое незавершённое дело, — сказал он. — Не игрушка. Передача, которую система отметила выполненной без передачи.

Елисей провёл скобкой над накладной. Железо нагрелось.

— Закрытая операция с активным остатком.

Матвей вписал в акт фактическое местонахождение птицы, имя Алеся, имена трёх детей, участвовавших в ремонте, и отсутствие получателя у изъятия. Потом попросил Елисея отметить отметку о доставке.

— Я могу открыть проверку, но не отменить запись.

— Открывайте.

Когда статус сменился с «передано» на «оспаривается», из живота птицы вытянулись три цветные нити. Одна ушла к Алесю, две — через улицу, к домам детей. Серая пыль на краях накладной осыпалась.

Лиора стала отчётливее. Торговец напротив вдруг поднял голову.

— Звонарка, вам чего завернуть?

— Я больше не звонарка.

Он моргнул, потерял её из взгляда и обратился к Матвею.

— А женщина с вами была?

Лиора сжала губы.

— Вот так весь день. Пока несу ребёнка, корзину или колокольную верёвку, меня видят. Скажу, что дело закончено, — и для них заканчиваюсь я.

Матвей дописал её роль в спорной передаче: привела владельца игрушки и приняла результат до возвращения матери. Торговец снова увидел Лиору, но теперь назвал её «проводжатель».

— Не записывайте это как моё новое назначение, — потребовала она.

— Не запишу.

— А Палата?

Елисей ответил честно:

— В действующей форме роль должна соответствовать профессии.

Лиора выдернула лист из-под его руки.

— Значит, вы опять выбираете мне клетку. Только поменьше.

Мила тем временем вынула кораблик из таза и вытерла рукавом. Ей были безразличны формы Палаты; она протянула игрушку Лиоре.

— Подержите до дома. У меня портфель тяжёлый.

Лиора взяла кораблик. Нить закрепилась без названия должности.

Матвей попросил Елисея зачеркнуть графу «профессия» и написать над ней «участие в результате». Тот колебался дольше, чем на мосту.

— На мосту были зарегистрированные мастера.

— А здесь есть проверяемые действия.

— Савва скажет, что мы строим второй реестр без правил.

— Мы строим приложение к одному делу. Правило только одно: записывать то, что произошло.

Елисей зачеркнул графу.

Они пошли с Милой к мучному складу. Алесь нёс деревянную птицу, Лиора — кораблик, Матвей — спорную накладную, Елисей — акт. Цепочка выглядела нелепо длинной, но каждый предмет и каждый человек имели причину идти.

На площади у Нижних ворот их остановила рамка очереди. Она пропустила Елисея как служащего, Матвея как сопровождаемого аудитора и Милу как ребёнка под присмотром. Алесь рамка не распознала. Лиору обозначила как «вакансия звонаря».

— Я не вакансия, — сказала Лиора.

Над рамкой загорелось: «ОЖИДАЕТСЯ ЗАМЕНА».

Люди в очереди начали обходить её. Кораблик словно плыл сам по воздуху.

Матвей приложил спорную накладную к рамке. Та нашла птицу, активный остаток и три детских имени, но потребовала назначить ответственного игрушечника.

— Алесь, вы готовы отвечать за исправность птицы? — спросил Матвей.

— За то, что показал детям, — да. За всё, что они сделают потом, — нет.

— Мила, ты отвечаешь за свой кораблик?

— За муку внутри — да. Если брат опять насыплет, это он.

— Лиора, вы отвечаете за передачу матери?

— До дверей склада.

Матвей внёс пределы каждой части. Рамка трижды возвращала форму: «НЕПОЛНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ». Тогда он вписал четвёртую строку — получателя, мать Милы, с отложенным подтверждением.

— Она ещё не приняла, — заметил Елисей.

— Поэтому дело и незавершённое. Не закрывайте его раньше времени.

Рамка не пропустила их, но перестала требовать единственного мастера. Вместо отказа появилась янтарная надпись: «ОЖИДАЕТ ПОЛУЧАТЕЛЯ».

Они обошли ворота через грузовой проход. Это не было победой над системой, только точным названием её текущего состояния.

Мать Милы работала весовщицей. Увидев дочь, она сначала поблагодарила Лиору, потом проверила кораблик в бочке для пожарной воды. Винт крутился. Мила объяснила про муку и показала, как снять нижнюю пластину.

— Кто починил? — спросила мать.

— Я почистила. Алесь научил. Лиора донесла.

Женщина приняла кораблик и расписалась в четвёртой строке. Все нити сошлись. На спорной накладной появилась новая отметка: «РЕЗУЛЬТАТ ПРИНЯТ. ИЗЪЯТИЕ ОТМЕНЕ НЕ ПОДЛЕЖИТ — ТРЕБУЕТСЯ РУЧНОЙ РАЗБОР».

Имя Алесь вернулось на адресную дощечку мастерской. Лиора осталась видима и после того, как отдала кораблик: мать Милы продолжала говорить с ней о завтрашней дороге. Матвей отсчитал пять минут, потом десять. Связь держалась не на предмете, а на признанной истории помощи.

— Получилось, — тихо сказал Елисей.

— Для одного дела.

На рамке Нижних ворот всё ещё горела вакансия звонаря. В городском журнале напротив Лиоры значилось пустое место, ожидающее замену. Её имя удерживалось в приложении к ремонту игрушки, но не возвращалось в основной учёт жителей.

Матвей попросил Елисея найти Алеса в списке мастеров. Строка появилась как архивная: «Игрушечник выбыл; имущество передано». Открытое расследование не отменило ложного завершения, только прикрепило к нему возражение.

— Мы вернули имена в цепочку, — сказал Матвей. — Но город по-прежнему считает их местом, которое надо заполнить.

— Реестр профессий никогда не был реестром жителей.

— Тогда почему по нему дома, очереди и люди решают, кого замечать?

Елисей не нашёл ответа в форме.

К вечеру они вернулись к мастерской. На дощечке ещё читалось «Алесь Крой», хотя вывески профессии не появилось. Дети приносили сломанные вещи и записывали рядом, что хотят понять, а не только получить. Алесь принимал не все заказы. Одному мальчику он велел идти к настоящему столяру: треснувшая ножка стула могла ранить. Предел его помощи оказался не слабостью, а частью результата.

Лиора сидела у окна и чинила корзину здоровой рукой. Она не стала игрушечницей, провожатой или помощницей мастера. Она просто ждала, когда Матвей и Елисей закончат акт, чтобы вместе идти в Палату.

— Как назовёте дело? — спросил Алесь.

Матвей посмотрел на птицу, цветные швы, детские записи и четыре строки участия.

— «Возвращение непринятого результата владельцу».

— Это название действия, — сказал Алесь.

— Именно.

Пустой жетон под рубашкой потеплел. В незамкнутой бороздке появилась вторая риска, но слова профессии не возникли.

Матвей должен был испытать облегчение. Вместо этого он почувствовал, как множество нитей тянется от тетради Корнея. Шестьдесят два имени ещё ждали своего действия, получателя и человека, который согласится помнить их не как освободившиеся места.

Елисей перевязал акт красным шнуром.

— Теперь к Савве. Заслонку во дворе нельзя оставлять без решения после заката.

На этот раз Матвей не спорил. У них было то, чего утром не существовало: подписанная опись механизма, повторяемый опыт и первое завершённое дело, которое не назначило никому новую судьбу.

Но когда они вышли на площадь, над Палатой зажглись все окна. По башенному кругу бежала надпись: «ДО ПОЛНОЙ ПЕРЕПИСИ — ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЬ ДНЕЙ».

Срок, который в договоре Матвея занимал шесть недель, уже начал сокращаться для всего города.

Глава 8. Кухня недостающего вкуса

Савва Рубеж не повысил голоса ни разу, и от этого разговор становился всё громче.

На длинном столе его кабинета лежали тетрадь Корнея, акт о спорной накладной и деревянная птица с раскрытым животом. Птицу Савва поставил на чистый лист, словно она тоже должна была дать показания.

— Вы проникли на служебный участок через сломанную калитку, — сказал он. — Остановили канал сортировщика. Изменили форму участия. Вывели из архива документ, содержащий имена жителей. И всё это за один день.

— Канал закрыт до решения, не уничтожен. Имена скопированы в двух экземплярах. Поток принимает Корней, со сроком и сменой.

— Корней Сута выбыл четыре месяца назад.

Матвей подвинул к нему акт. Под подписью Корнея железная скобка Елисея оставила чёрный блеск принятого документа.

— Тогда кто составил опись?

Савва не посмотрел на подпись.

— Вы знаете, что я имею в виду. Для реестра он выбыл.

— Для реестра. Но не из города.

Елисей стоял у двери, держа руки за спиной. На его лице сохранялось выражение служителя, который присутствует при проверке, а не выбирает сторону. Только скобка на поясе была повернута наружу, чтобы Савва видел след принятия.

Председатель перелистал акт ремонта кораблика. Четыре строки участия раздражали его сильнее взломанной калитки.

— Ребёнок, бывший игрушечник, бывшая звонарка и весовщица, — перечислил он. — Кто отвечает, если игрушка утонет вместе с ребёнком?

— Каждый за свой результат. Алесь показал способ проверки, Мила очистила механизм, Лиора передала вещь, мать приняла её исправной.

— То есть никто за целое.

— Получатель отвечает, что результат ему подходит. Для опасных работ нужен иной предел и проверка специалиста. Алесь сам отправил мальчика с треснувшим стулом к столяру.

— Вы за день изобрели устройство города и уже предусмотрели исключения?

— Нет. Я за день обнаружил, что действующее устройство стирает людей, если их работа не помещается в одну строку.

Савва наконец поднял взгляд. За окнами Палаты по башенному кругу ползла цифра двадцать девять. Свет от неё проходил по его лицу, как стрелка часов.

— Во время Голода навыков, — сказал он, — люди тоже требовали права отвечать только за удобную часть. Пекари хотели замешивать, но не вставать до рассвета. Водовозы соглашались возить, но не чистить бочки. Лекари брались советовать и отказывались дежурить. У каждого был предел. А у города не осталось целого.

— Значит, надо видеть все части целого.

— Значит, кто-то должен отвечать за него.

Матвей посмотрел на деревянную птицу. В открытом корпусе были видны цветные швы, сделанные детьми. Игрушка не стала хуже оттого, что её починил не один пожизненный мастер. Но мост без последней настройки мог убить. Корзинка мази без имени ученицы могла обжечь больного. Савва не выдумывал опасность; он выбрал единственный ответ и сделал его обязательным для всех.

— Оставьте заслонку закрытой до утра, — сказал Матвей. — Дайте мне проверить разделение работы там, где результат принимают сразу и каждый день.

— Где?

— В кухне.

На мгновение Елисей перестал быть неподвижным.

Савва медленно закрыл тетрадь Корнея.

— Вы просите превратить город в опыт.

— Город уже участвует в опыте. Полная перепись назначит результат через двадцать девять дней. Я прошу одну ночь, прежде чем вы снова включите машину, которая удаляет имена сейчас.

— До рассвета, — решил Савва. — Корнея сменят двое архивных служителей. Ничего со двора не выносить. Новых форм в реестр не вносить. Если ваш способ сорвёт обслуживание хотя бы одной действующей очереди, заслонку откроют немедленно.

— Запишите, что людей на закрытом канале сохраняют поимённо.

— Это уже есть в вашем распоряжении.

— Вашей подписи там нет.

Савва поставил подпись так резко, что перо пробило бумагу.

— А теперь, Ладин, найдите способ быть полезным, не делая из полезности слово, которое ничего не обязывает.

Матвей забрал копию. Когда они с Елисеем вышли, железная скобка на поясе служителя звякнула о пряжку.

— Вы знали, что он согласится? — спросил Елисей.

— Нет.

— Тогда почему попросили кухню?

— Потому что хотел поужинать.

Елисей впервые за день рассмеялся. Смех закончился на ступенях, когда из нижнего города донёсся тройной удар сковороды о камень.

— Это не пожарный сигнал? — спросил Матвей.

— Пожарный — четыре удара.

— А три?

— На кухнях так зовут свободные руки.

У «Семи ложек» не было очереди. Это оказалось хуже, чем очередь.

Дверь стояла открытой, но посетители задерживались у порога, принимались и уходили. В зале сидели трое постояльцев. Перед каждым остывала одинаковая миска зелёного супа. Рута стояла за стойкой и пересчитывала ложки, хотя все они лежали на месте.

— Если пришли есть, — сказала она Матвею, — сегодня вы оплачиваете не блюдо, а попытку.

Из кухни пахло укропом, горячим маслом и чем-то металлическим. Не гарью. Хуже: чистой, звонкой горечью, которая забиралась под язык ещё до первого глотка.

Елисей наклонился над миской ближайшего посетителя.

— Полынь?

— Кервель, — ответила Рута. — Должен быть кервель.

— На вкус не похож.

— Поэтому люди уходят.

Она поставила перед Матвеем чашку воды и сама отпила первой. После Безымянного двора этот жест показался ему важнее гостеприимства.

— Где ваш мойщик трав? — спросил он.

Рута перестала считать ложки.

— С чего вы взяли, что он у меня был?

— С того, что кервель превратился в полынь, а свободные руки зовут трижды.

Из кухни вышла девушка с красными от воды запястьями. Матвей видел её утром у печи; тогда Рута назвала её Пашей и поправилась: Параска отвечает за тесто. Сейчас на переднике Параски зелеными полосами отпечатались травы.

— Я промыла трижды, — сказала она. — Как он.

— Не как он, — отрезала Рута.

— Тогда покажи как.

— Если бы знала, уже показала бы.

В кухне кипели четыре котла. На столе лежали мокрые пучки: кервель, кислица, молодая крапива, сизая мята и две травы, которых Матвей не знал. Все были разложены аккуратно, но на доске между листьями блестели серые песчинки.

Пустой жетон под рубашкой стал тёплым.

— Не трогайте, — сказал Матвей.

Параска отдёргнула руку.

Рута взяла щепоть песка деревянной ложкой и бросила в пустую чашку. Крупинки не растворились. В каждой на миг мелькнул зелёный свет.

— Серая пыль, — сказал Елисей.

— Здесь её не было утром, — ответила Рута. — А Мирт был.

Имя удержалось только потому, что она произнесла его резко и сразу. В дальнем углу что-то звякнуло. Матвей обернулся и увидел низкую скамью, два таза и медное сито. Над скамьёй висел крючок без фартука. Стоило отвернуться, крючок снова казался обычной частью стены.

— Мирт — мойщик трав? — спросил он.

— Мирт — Мирт, — сказала Рута. — Он мыл травы.

— Когда исчез?

— После полудня ушёл за водой. Не вернулся. Я отправила мальчишку к водосбору. Там сказали, никто с кухонными вёдрами не приходил.

Елисей достал служебный блокнот.

— Его полное имя и номер жетона.

— Мирт Таль. Номера нет.

— Незарегистрированный работник?

— Постоялец, который помогал за еду и угол.

— Сколько времени?

Рута помолчала.

— Два года.

— Два года помощи — и вы не оформили его в Палате?

— Он не хотел назначения.

— А вы пользовались его трудом.

— Да.

Ответ прозвучал без защиты. Рута сняла с крючка пустой фартук, прижала к столу и показала выплывший узел на тесёмке.

— Я говорила себе, что даю ему место, где его видят. Он говорил, что остаётся, пока хочет. Потом я перестала спрашивать. Это удобная привычка — считать добровольным то, что человек делает каждый день и боится прекратить.

Матвей провёл жетоном над серой пылью. От доски потянулась зелёная нить, прошла через сито, два таза, водосток и оборвалась у задней двери.

— Почему травы стали горькими?

Рута взяла веточку кервеля, растёрла между пальцами и дала Матвею понюхать. Запах был мягким, перечным. Затем показала внутреннюю сторону листа. Вдоль жилки лежала прозрачная плёнка.

— Сборщики смазывают пучки сонным воском, чтобы След травника не звал зелень обратно на грядку. Перед готовкой воск надо снять. Если вода холоднее нужного, он остаётся. Если горячее — запирает горечь внутри листа. Мирт определял воду ладонью и менял её для каждого пучка.

— Это опасно?

— Кислица с воском вызывает судороги в животе. Сизая мята глушит запах испорченного масла. Остальное просто невкусно.

Рута велела снять с огня зелёный суп. Параска потянулась к котлу.

— Не одна, — остановил её Матвей. — Кто проверяет безопасность?

— Я, — сказала Рута.

— Кто знает температуру воды?

— Знал Мирт.

— Кто знает травы?

Из кладовой высунулась седая женщина с пучком ключей.

— Я принимаю их по весу и запаху, — сказала она. — Но в таз не лезу. Наярна Шелест.

— Кто приносит воду?

— Сегодня я, — отозвался мальчик лет семнадцати у задней двери. — Обычно Мирт. Я Клим, ношу уголь.

— Кто режет?

Параска подняла нож.

— Кто ест?

Из зала донёсся голос:

— Пока никто, если вы не исправитесь.

Рута пошла туда и вернулась с тремя остывшими мисками. Деньги посетителям она отдала полностью. Потом поставила миски в ряд, будто это были не жалобы, а свидетельства.

— Сначала найдём Мирта, — сказала она.

— Сначала уберём опасное блюдо, — возразил Матвей. — Иначе будем искать его как единственную недостающую деталь. Он исчезнет ещё глубже, а кухня продолжит ждать функцию.

Рута посмотрела на пустой фартук.

— Говорите, что делать.

Они разделили кухню на две цепочки. Елисей записывал всё, что снимали с подачи. Наярна отделила травы, которые можно было проверить запахом и видом, от тех, где воск скрывал порчу. Клим принёс воду из трёх источников: дворовой колонки, медного бака у печи и каменного водосбора. Параска нарезала только после разрешения Руты. Матвей остался у тазов, хотя не знал ни трав, ни температуры.

— Ваше действие? — спросил Елисей.

— Не дать нам объявить догадку знанием.

— Это похоже на профессию.

— Не начинайте.

Рута принесла пять глиняных чаш и по одному листу кервеля. В первой вода была холодной. Воск побелел и остался плёнкой. Во второй, из бака, лист сразу потемнел. Третью Клим смешал из двух вёдер. Плёнка собралась в прозрачные шарики и всплыла.

— Так? — спросил он.

Рута попробовала крошечный край листа и покачала головой.

— Горчит меньше. Но Мирт менял воду, когда она начинала звенеть.

— Вода не звенит, — сказала Параска.

Наярна положила в чашу медное сито. По краю пробежала зелёная дрожь и ударилась о металл тонким звуком.

— След, — сказал Елисей.

Матвей вспомнил таз с корабликом и серебряный звон принятой передачи. Здесь вода была не просто подходящей температуры. Она принимала отделённый воск, пока могла удержать его След. Когда насыщалась, зелёная нить возвращалась в лист.

Они положили второй лист. Сито прозвенело ниже. На третьем умолкло.

— Менять после двух пучков, — сказал Клим.

— После звука, — поправила Рута. — Пучки бывают разные.

— А если сито другое?

— Проверим.

Они проверили три сита, две чаши и оба безопасных источника воды. Наярна отмечала запах травы до мытья. Клим смешивал воду и записывал число ковшей. Параска опускала листья, не касаясь голой рукой. Рута пробовала только те образцы, которые прошли внешний осмотр, и каждый раз ждала несколько минут. Елисей перечёркивал неудачные строки, но не вырывал их.

На седьмой пробе у них получился кервель без плёнки и горечи. На девятой — крапива, которая не жгла язык. Сизую мяту Рута запретила совсем: никто не мог доказать, что под воском нет порчи.

— Значит, одно блюдо сегодня не подадим, — сказала она.

— Люди будут недовольны, — заметила Наярна.

— Животы важнее моей вывески.

На стене над плитой вспыхнул След кухни. Обычно он сходил к Руте, как к хозяйке и повару. Теперь линия разделилась: приём трав — Наярна, вода и температура — Клим, промывка по звуку — Параска, решение о допуске — Рута. Матвей ожидал, что пустой жетон втянет свободный конец. Но нить прошла мимо него к залу, к трём пустым местам посетителей.

— Нужен получатель, — сказал он.

— Я съем, — предложил Елисей.

— Вы служитель Палаты. Ваше принятие докажет только, что служитель способен на бесплатный ужин.

Один из прежних посетителей ещё стоял снаружи, споря с женой, идти ли в другую столовую. Рута вынесла ему ложку нового супа и объяснила, что прежнюю подачу сняли из-за неправильной обработки трав. Не обещала, что вкус будет прежним.

Мужчина понюхал ложку.

— Мирт мыл иначе.

— Вы его знали? — спросил Матвей.

— Худой такой. Всегда чашу к уху подносил. Я думал, чудит.

— Как его фамилия?

Мужчина нахмурился. Имя почти исчезло с лица, как пар.

— Не знаю. Мы звали его Тихим.

— Мирт Таль, — сказала Рута. — Он два года мыл здесь травы. Сегодня его нет. Мы повторили только то, что сумели понять, и убрали блюда, которые не умеем приготовить безопасно.

Посетитель попробовал. Долго держал суп во рту.

— Не такой мягкий.

Рута кивнула.

— Что именно?

— Кислота раньше приходила после тепла. Теперь вместе.

Параска записала его слова. Наярна предложила другой сорт масла, но Рута не позволила исправлять вкус до проверки всей цепочки. Посетитель доел ложку и согласился взять малень-

кую миску, не платя, как проверяющий получатель. Его жена попробовала второй образец и сказала, что горечь ушла, но запах стал беднее.

След кухни удержался. Имена участников проступили на полоске бумаги, которую Елисей положил рядом с плитой. Напротив каждого стояло действие, срок — один вечер — и предел. Ни один жетон не изменился.

Только строка Мирта оставалась серой.

— Мы заменили его, — тихо сказала Параска.

— Нет, — ответила Рута. — Мы не дали кухне отравить людей сегодня. Это не одно и то же.

Она открыла нижний ящик скамьи. Там лежали аккуратно связанные записки: температура по погоде, порядок трав, предупреждения о воске, рисунки сит. Мирт оставлял наблюдения, но никто не считал их частью работы. Рута пользовалась результатом и не спрашивала, как он возник.

На дне лежал клочок упаковочной бумаги: «Если серый налёт вернётся, не ищите меня у воды. Ищите место, где вкус считают лишним».

Елисей прочитал дважды.

— Безымянный двор?

— Там вещи считают остатком, — сказал Матвей. — А где считают лишним вкус?

Наярна перекрестила ключи на груди.

— В Палате снабжения есть пробная кухня. Перед Переписью они сводят городские блюда к норме: питательность, цена, доступность мастеров. Вкус идёт последней строкой. Если не хватает назначенных работников, строку вычёркивают.

Рута скомкала записку, потом расправила её ладонью.

— Мирт ходил туда три дня назад. Его просили показать, как сократить расход воды. Вернулся и сказал, что они измерили всё, кроме того, зачем человек берёт вторую ложку.

У задней двери появилась тонкая зелёная нить. Она тянулась не к водосбору, а вверх по улице Палат, туда, где за главным зданием стояли склады снабжения.

Матвей взял пальто.

— Кухня ещё не закрыта, — сказала Рута.

— Поэтому я не забираю тех, кто держит её сейчас. Елисей, вы остаётесь принять вечерний журнал и передать Савве результат опыта. Я иду по нити.

— Условия поручения требуют сопровождения.

— Тогда назначьте другого служителя на кухню.

Елисей посмотрел на полосу действий. Вчера он потребовал бы единственного ответственного. Сегодня провёл пальцем по четырём именам и вызвал мальчика-посыльного из Палаты.

— До его прихода вы не уходите.

Они ждали двенадцать минут. За это время Параска промыла ещё два пучка, Клим трижды сменил воду, Наярна сняла с приёма сизую мяту, Рута вернула в зал суп. Каждый шаг был медленнее прежнего. Но посетители видели, почему ждут, и кому сказать, если блюдо окажется плохим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.